

«Самый смешной писатель Европы»
The Times

АНТТИ ТУОМАЙНЕН

ПАРАДОКС

ЛОСЯ

КНИГА ВТОРАЯ
ТРИЛОГИИ «ФАКТОР КРОЛИКА»

Антти Туомайнен
Парадокс лося
Серия «Фактор кролика», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69434155

Парадокс лося: Синдбад; Москва; 2023

ISBN 978-5-00131-512-4

Аннотация

Во второй части комедийной трилогии «Фактор кролика» одного из самых популярных писателей Финляндии Антти Туомайнена бывший страховой математик Хенри, получивший в наследство парк приключений с огромными долгами представителям криминального мира, продолжает бороться за успех и независимость бизнеса и свое личное счастье. Способность производить сложнейшие расчеты пригодится ему сейчас как никогда ранее в жизни.

Содержание

Сейчас	5
Неделей ранее	16
1	16
2	28
3	37
4	49
5	62
6	73
7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Антти Туомайнен

Парадокс лося

Посвящается Ану

Antti Tuomainen
Hirvikaava

Copyright © Antti Tuomainen, 2021

Published by agreement with *Salomonsson Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
Издательство «Синдбад», 2023

Сейчас

Я закончил составлять новый бюджет к половине одиннадцатого. Поскольку ситуация меняется очень быстро, мне пришлось сократить расходы и отказаться от уже объявленных инвестиций. Я пропорционально урезал бюджеты подразделений парка, а собственную скромную зарплату сократил до нуля. Также я подготовил отдельный план формирования финансовой подушки на случай кризиса, чтобы не повторилась нынешняя ситуация, не говоря уж об угрозе полного банкротства компании. Создание такой кризисной подушки требует терпения и экономии на протяжении многих лет, но с большой вероятностью эти жертвы однажды окупятся. Это можно обосновать и расчетами: когда мы продвигаемся вперед методично и полагаемся на факты, нам все удастся. И мой собственный опыт – тому подтверждение.

Математика спасла мне жизнь как в переносном, так и в самом прямом смысле. Такая уж она, математика, – спасительная. Дарит уверенность, ясность и покой, помогает увидеть ситуацию в истинном свете, подсказывает, чем следует пожертвовать, чтобы добиться цели. Несмотря на то что обстановка в парке приключений сейчас сложная, будущее представляется мне в светлых тонах. И это благодаря математике, ну и еще некоторым усилиям. На мои взгляды и настроение, конечно, влияет и то, что я умею полностью сосре-

доточиться на расчетах, причем в тишине.

Последние посетители уже давно ушли, а мой ежедневник подсказывает: сегодня парк закрывает Кристиан. Днем шум из игрового павильона напоминает рокот моря. Сейчас это море успокоилось – кругом тишь да гладь.

Снова просматриваю электронные таблицы в программе Excel. Прокручиваю строчки на экране; в них нет противоречий, результаты «бьются» между собой. Я замечаю, что делаю это просто ради собственного удовольствия, а не для чего-то еще. Возможно, это именно то, что мне нужно после всех недавних эксцессов и неожиданностей: привычные вычисления, прояснение и уточнение отдельных моментов и взаимосвязей. Затем я напоминаю себе, что Шопенгауэр заждался ужина и, может быть, собеседника (что статистически маловероятно, но полностью не исключено), и щелчком мышки закрываю таблицу. Встаю со стула и тру воспаленные глаза. Даже представить страшно, насколько они красные.

Дверь в коридор открыта, ни звука не доносится и со стороны кабинета Минтту К: ни радио, ни ее скрипучего хриплого голоса, когда она говорит по телефону, ни даже ее низкого храпа после выпитого за день джина с тоником и выкуренной сигареты. Спина у меня затекла, и я снова думаю о том, что мне следовало бы заняться каким-то спортом, хотя времени на это совершенно нет. Похоже, владельцы парков приключений сами никогда не отдыхают.

На минуту я выглядываю в окно, но не вижу в ноябрь-

ских сумерках ничего, кроме пустой автомобильной парковки для наших клиентов. Затем мое внимание привлекает что-то странное слева, на самом краю парковки. Проходит несколько секунд, прежде чем увиденное складывается в моем сознании в целостную картину. Да, мой взгляд задержался на парковочном месте между двумя фонарными столбами: круги света от каждого из фонарей, пересекаясь, выхватывают из темноты что-то из металла и резины, и мне требуется время, чтобы увиденное обрело форму.

Велосипед.

Он опирается на подножку, и в нем нет ничего необычного. Странно другое – место, где его оставили. Как правило, велосипеды так не оставляют: и от дороги далеко, и от входа в парк. Я снова вглядываюсь в двухколесную конструкцию, хотя непонятно, что я надеюсь там увидеть. Велосипед еле различим в темноте. В конце концов мне остается констатировать очевидный факт: велосипед оставили стоять посреди парковки.

Я выключаю компьютер, наматываю шарф, снимаю с вешалки и надеваю куртку. Выключаю в кабинете свет и через сумрачный холл направляюсь к служебному выходу. Не хочу идти через главный вход – потом приходится всякий раз тщательно проверять, хорошо ли закрыта дверь. Служебный удобнее и ближе.

Выхожу на улицу и оказываюсь на погрузочной эстакаде, спускаюсь по металлической лестнице во двор. Издалека до-

носятся шум проезжающих машин, мои шаги гулко отдаются в пустом дворе.

В воздухе стоит горьковатый запах поздней осени. Земля мокрая даже без дождя. Я подхожу к углу здания офиса, и слева мне открывается вид на весь фасад, а дальше – на левую сторону парковочной площадки. Эта часть парка самая узкая. От стены здания всего пять метров до конца асфальтовой дорожки. Дальше идет резкий уклон к канаве, за которой начинается такой же крутой подъем к небольшому леску с редко стоящими деревьями. Я иду вдоль здания по этой дорожке, похожей на сужающийся коридор. Как будто соседний лес мелкими неумолимыми шажками приближается и прижимает меня к зданию. Разумеется, это только так кажется. Но вот что мне не кажется – хотя я поначалу просто не верю своим глазам, – так это то, что велосипед исчез.

Возможно, кому-то среди ночи понадобилось поехать в лес. Как мне неоднократно доводилось убедиться, все мы непохожи друг на друга. Если пришло в голову заняться чем-то поздним вечером в ельнике под Вантаа в пригороде Хельсинки, чем-то таким, что нельзя сделать в другом месте, – как говорится, вольному воля, – ночные заросли в полном его распоряжении. Потом можно продолжить путь, обогатившись новым опытом. Мои же фантазии подобны отсыревшим спичкам, они вспыхивают и тут же гаснут, так и не реализовавшись.

В следующий момент я вижу его.

Бегущего на меня мужчину.

Он напоминает мне шар для боулинга, у которого вдруг выросли ноги.

Этот образ уместен по многим причинам. Асфальтированный участок передо мной узкий и длинный, и «шар» с дикой скоростью несется на меня ровно посередине этой импровизированной дорожки, как будто я кегля в ее конце. Кроме того, «шар» набирает скорость. Я разворачиваюсь и бегу сразу, как только осознаю, что происходит. И одновременно вижу, что угол здания и двор находятся гораздо дальше, чем мне представлялось.

Я все еще в заторможенном состоянии из-за многих часов, проведенных в рабочем кресле. Скорость «шара» существенно превышает мою, я понимаю это на первых же шагах. Значит, мне надо набирать обороты. Одновременно быстро оглядываюсь назад.

«Шар» одет в темно-синие спортивные брюки и черную или синюю куртку, на голову глубоко натянута черная спортивная шапочка. Его короткие ножки мелькают как в мультфильме, когда их изображают в виде вихря. Руки двигаются в такт, как бы помогая стремительному движению, наподобие работающих на повышенной скорости цилиндров какого-то механизма. В любой другой ситуации я не отказал бы себе в удовольствии из чистого интереса понаблюдать за таким удивительным ускорением. Я бегу изо всех сил, но тем не менее слышу, как быстrophодный механизм нагоняет меня.

Передо мной угол здания.

За ним находится погрузочная эстакада. На другом конце эстакады имеется лестница на крышу. Других идей у меня нет. Если получится добежать до лестницы и взобраться по ней на крышу, то я смогу дать чуваку по пальцам, когда он полезет наверх. Это первое, что приходит мне на ум. Трудно придумать альтернативные сценарии и выбрать из них оптимальный, когда «шар» уже рядом, а я, собственно, представляю собой кеглю.

Добегаю до угла и меняю направление движения. «Шар» в пятнадцати метрах от меня.

Направляюсь к погрузочной эстакаде. Мне остается несколько шагов до стальной лестницы. Вот я уже у ее основания и взбираюсь по грохочущим ступенькам на эстакаду. Снова бегу. Вижу перед собой лестницу. Еще несколько шагов, и мне удастся до нее добраться и залезть на крышу...

«Шар для боулинга» врежется мне в спину.

От удара я лечу вперед, как будто кто-то подбросил меня в воздух. Шлепаюсь животом на стальную разгрузочную площадку. Пытаюсь встать, но не могу. На спине у меня тяжелый конь. Так мне кажется.словно лошадь и всадник поменялись местами.

«Шар» давит мне на спину, хватает за голову – я чувствую его короткие, но крепкие холодные пальцы у себя на затылке, он резко дергает мою голову вверх... и с силой бьет ею по площадке.

Мой лоб ударяется по стальной решетке – раз, другой, третий. Приглушенные удары по металлу отдаются у меня в ушах и где-то внутри. Я ловлю преследователя за запястья, но они похожи на вырытые из земли трубы центрального отопления, толстые и крепкие. И я не в силах остановить их движение. Мой лоб продолжает колотиться по перекрестью стальных прутьев. Когда моя голова в очередной раз поднимается, вернее сказать, когда ее рывком поднимают, я вижу слева перед собой обрезки досок, использованных при ремонте «Клубничного лабиринта».

Я тяну руку и сам тянусь вслед за ней. Мне удастся ухватиться за конструкцию из двух досок, соединенных в форме буквы Г, я обхватываю ее пальцами, перемещая их сантиметр за сантиметром. Одновременно мой лоб раз за разом налетает на сталь, и мне кажется, что металл понемногу начинает поддаваться. Времени мало. Я хватаю доску как могу крепко, быстро прикидываю длину спины «шара» и местонахождение его головы и из последних сил бью.

Доска издает странный звук. Мягкий и влажный.

Хватка слабеет, и лошадь на моей спине принимается раскачиваться. Оттолкнувшись руками, я поднимаюсь, а лошадь все качается, теперь еще сильнее, и мне удастся из-под нее выбраться. Я передвигаю ногу, встаю, первая мысль – снова бежать. Но это вряд ли получится. Моя голова после ударов по стальной наковальне кружится, и я могу двигаться лишь осторожными, неуверенными шагами. Огляды-

ваюсь назад. «Шар» высматривает что-то в своих пальцах, потом поднимает голову и фокусирует взгляд на мне. Я пытаюсь поскорее сообразить, куда я попал своей импровизированной палицей.

Точно. В рот. В зуб.

«Шар» швыряет зуб, который сжимал в пальцах. Зуб летит по дуге и исчезает в темноте. «Шар» вытирает окровавленный рот рукавом куртки. Затем снова устремляется ко мне. Поворачиваюсь и бросаюсь наутек. Мне не пережить еще один неравный бой без правил, я это понимаю. Поэтому я бегу. До лестницы остается несколько десятков метров. Каждый шаг требует полного сосредоточения. И я не сразу замечаю, что на погрузочной эстакаде появился еще один персонаж.

На голове у него балаклава, и он приближается ко мне с неосвященной стороны эстакады. «Балаклава» сначала бросается ко мне, потом меняет траекторию движения, и я вижу, что он пытается меня опередить.

Следующие две с половиной секунды вмещают в себя поистине многое.

«Шар» почти догоняет меня, он на расстоянии вытянутой руки. «Балаклава» приближается с другой стороны, сзади из темноты, поэтому «шар», вероятно, его не видит.

«Балаклава» на бегу наклоняется, хватает клубничину и догоняет меня.

Клубничина в руках «балаклав» – это украшение «Клуб-

ничного лабиринта». Я собственноручно снял ее и вытащил на улицу, разобрав на две части, чтобы выбросить в соответствующие контейнеры для раздельного сбора мусора: пластмассовую часть в контейнер для пластика, а металлическую – для металлолома. Я убрал эту шестидесятисантиметровую клубничину, потому что она раскололась и своими острыми краями представляла опасность для детей.

Пытаюсь изменить направление движения, но в результате маневра с трудом удерживаюсь на ногах и частично разворачиваюсь. Это позволяет мне увидеть, что происходит.

«Балаклава» и «шар» на полном ходу сталкиваются друг с другом. Правильнее сказать, что «балаклава» со всего маху бьет «шар» по макушке. А если уж быть совсем точным, «шар» врезается в клубничину. Пластик трещит; голова «шара» проламывает ягоду и оказывается внутри.

Клубничина остается на плечах у «шара», и теперь кажется, что у него огромная красная голова с султаном зеленых волос. При этом прочная острая стальная проволока, которой армирована клубничина, разрезает мужчине шею, не щадя и сонную артерию. В результате всего этого...

На разгрузочной площадке стоит мужик с красной башкой, а из шеи у него фонтаном хлещет кровь.

Мне становится дурно, в ушах шумит, я могу сохранять вертикальное положение, только стоя на коленях. Перебираю в уме причины головокружения и гула в ушах: кислородная недостаточность, удары лбом по металлической решет-

ке и малоприятная картина, представшая перед моими глазами. У меня такое чувство, будто я наблюдаю за результатом сложного неудавшегося фокуса или попытки поставить спортивный рекорд.

Мужчина явно обескуражен и ошеломлен – а кто сохранил бы спокойствие, оказавшись в пластмассовой клубничине с открытой раной на шее? – и ведет себя во всех отношениях неразумно. Он размахивает руками, зачем-то несколько раз подпрыгивает на месте, хотя ему следовало бы...

«Балаклава» делает несколько шагов в сторону несчастного, говорит что-то, чего я не разбираю, приближается к нему с поднятыми руками – я расцениваю это как попытку помочь... Возможно, клубничноголовый слышит только приближающиеся шаги и понимает ситуацию неправильно. А может быть, что-то другое вызывает у него панику, и он, быстро повернувшись вполоборота, начинает улепетывать.

Чувак с клубничиной на голове мчится по эстакаде, фонтируя во все стороны кровью, и его ноги мелькают, как лопасти пропеллера.

«Балаклава» несется вдогонку и снова что-то кричит. Кажется, лидер гонки от этого только ускоряется. Через несколько мгновений «клубника» начинает качаться, и амплитуда этих колебаний с каждым шагом увеличивается. «Балаклава» почти догоняет его, но помочь тому уже невозможно – он прыгает с эстакады в темноту ноябрьской ночи.

Через мгновение «клубника» пролетает в свете фонарей,

пластмассовая ягода у него на голове блестит, кровь создает в воздухе подобие радуги, ноги продолжают бежать, не касаясь земли...

Затем переменные в уравнении меняются.

Главным действующим фактором становится гравитация.

Неделей ранее

1

Парк приключений был виден издалека. Он представлял собой красно-желто-оранжевую коробку, размером нечто среднее между универмагом «Стокманн» и зданием аэропорта. В длину коробка составляла около двухсот метров, при высоте пятнадцать. На ее крыше были закреплены огромные буквы, складывающиеся в название «Заходи, здесь весело». Именно сейчас, в ноябре, низкое предзимнее солнце бросало на вывеску приглушенный теплый свет, золотило асфальт на автомобильной парковке размером с три футбольных поля и мягко поблескивало на здании из железных листов и стальных конструкций.

Я остановился перед светофором, посмотрел на раскинувшийся через дорогу Парк приключений и подумал, что мои усилия не пропали даром.

Что-то изменилось. Причем изменилось навсегда.

Это мой парк, подумал я, и эта мысль придала мне сил. Я чуть не погиб за него, справился с безумными долгами, и если еще не сделал его прибыльным предприятием, то хотя бы сохранил – во всяком случае, с большой вероятностью.

Всего полгода назад мне пришлось уволиться из крупной

страховой компании с должности актуария – математика, который рассчитывает риски. Я был поставлен в ситуацию выбора: либо заниматься совершенно бессмысленными псевдоподсчетами в подвальной каморке, либо терять время со своим трудовым коллективом на занятиях йогой и тренингах по тимбилдингу для выработки навыков работы в команде. Но стоило мне подать заявление об уходе, как я сразу получил известие о скоропостижной смерти своего брата, оставившего мне в наследство Парк приключений. И уже в Парке я узнал, что брат задолжал жуткому преступнику-рецидивисту, так что в придачу я получил еще и долги. Одно цеплялось за другое, и, чтобы сохранить свою жизнь, защитить работников Парка приключений, да и сам Парк, мне пришлось прибегнуть к физической самообороне, в результате чего один из гангстеров, при моем непосредственном участии, погиб, убитый ухом гигантского пластмассового кролика. А еще я учредил банк потребительского кредитования, но он, правда, разорился. Мне также довелось встретить художницу, пробудившую во мне ранее неведомые мне силы, убегать и от бандитов, и от полиции, а кроме того, стать свидетелем таких сцен, о которых я и сегодня вспоминаю с содроганием.

После всех этих событий финансовое положение Парка оставалось сложным. Я не хотел бы использовать тут более сильное выражение.

Мне уже приходилось прибегать к многочисленным ме-

рам жесткой экономии, и я подозревал, что в дальнейшем их понадобится еще больше. Я пытался разными способами по-давать личный пример работникам. У меня была самая маленькая зарплата в Парке, но даже от нее я впоследствии от-казался, я самостоятельно платил за свои нерегулярные обе-ды и полдники в кафе «Плюшка и кружка» при Парке. Я не хотел урезать зарплаты другим сотрудникам, но мне, есте-ственно, пришлось скорректировать бюджеты разных под-разделений. Это вызвало понятное противодействие, но я обосновывал решения собственными тщательными расчета-ми и постоянно напоминал сотрудникам, что мы должны строить нашу работу с прицелом на перспективу в пять-де-сять лет. Чаще всего такие заявления встречались молчани-ем. Что, в свою очередь, снова давало мне возможность про-демонстрировать различные меры экономии – от больших до малых. Например, в энергосбережении: сейчас в игровом павильоне в среднем на полтора градуса прохладнее, чем ме-сяц назад. Дети, разумеется, этого не заметили, а для сотруд-ников я заказал толстовки с логотипом парка приключений. Еще я собственноручно перекрасил «волшебную» лестницу «Замка приключений» – свидетельства моего непрофессио-нализма в малярном деле сохранились на стене у лестницы. Однако экономия оказалась существенной.

Я пересек дорогу и вышел к автомобильной парковке. На-строение мое улучшалось с каждым шагом, фрагменты пла-нов, долгосрочные и повседневные, вставали на свои места,

складываясь в целостную картину. Уравнение обрело форму. Все стало понятно.

Теперь в этом состояла моя жизнь. И что самое важное – она была подчинена распорядку.

Быстрыми шагами я дошел до главного входа. Раздвижные двери открылись, и я оказался в ярко освещенном вестибюле, интерьер которого был так же, как и весь Парк, оформлен в ярких тонах. Именно в этот момент у меня появилось ощущение, что я вхожу в другой мир. А кроме того, я понял, что чувствую себя как дома. Так вот в чем дело – Парк стал для меня домом?

Кристиан стоял за стойкой кассы при входе. Он протягивал билеты усталого вида мужчине, который пытался удерживать на месте трех маленьких непосед, предпринимавших активные попытки разбежаться в разные стороны. Папаша взял билеты, неохотно повернулся, подхватил свою троицу, и они двинулись в сторону игрового павильона.

Я поприветствовал Кристиана, дождался его широкой приветливой улыбки и приготовился услышать один из вариантов восторженного доклада о том, почему это утро столь прекрасно и удивительно.

– Доброе утро, – сказал Кристиан, не отрываясь от монитора.

Кристиан невероятно эффективен как продавец и ориентирован на результат – отличный работник. Он заваливал меня текстовыми сообщениями и названивал по телефону

даже во внерабочее время. Мог позвонить или отправить эс-эмэску такого содержания: «Здравствуйте, босс, у нас тут СУПЕРКРУТАЯ новость!!!» И придя в парк, я узнавал, что в кафе «Плюшка и кружка» поступило в продажу мороженое с новым вкусом. Каждое утро у Кристиана было «фантастическим», и он всякий раз считал необходимым сообщить об этом. Теперь же он не отрываясь смотрел в экран и щелкал мышкой. Яростно. Щелчки несчастной мыши были похожи на удары. Я оглянулся. Никакой очереди. Еще на парковке я подумал, что посетителей практически нет. Собственно, это вполне предсказуемо для утра среды в ноябре.

– Какое фантастическое утро, – услышал я себя и понял, что произношу эти слова только потому, что не дождался их от Кристиана.

– Что? – спросил Кристиан.

Он наконец сообразовал посмотреть на меня. Взгляд был направлен мне в глаза, но при этом оставался каким-то невидящим. Как будто он сам себе запрещал меня видеть. Я уже хотел поинтересоваться, все ли у него в порядке, – Кристиан как-то неестественно выгнул шею, уставившись в монитор, – но тут мой взгляд упал на большие часы, висевшие на стене в вестибюле.

В пункте отправления поезда «Варан» я был в одиннадцать часов. Один из старейших аттракционов в Парке, он пользуется неизменной популярностью у посетителей. А еще это одно из самых безопасных развлечений, подходящее да-

же тем, кто в силу возраста вряд ли сам захотел бы на нем прокатиться. Однако мы решили оборудовать поезд дополнительными подушками безопасности. По мне, так это было лишним, но за вопросы безопасности в парке отвечает Эса, считающий, что мы должны быть готовы ко всему.

Эсу я обнаружил под одним из вагонов. Он лежал на животе и колотил молотком по какой-то детали. Воздух вокруг Эсы, как всегда, был густым и смрадным. И хотя он, судя по всему, лежал тут уже долго, но производил впечатление человека, готового в любой момент вскочить и заняться еще каким-нибудь делом. Возможно, этому впечатлению способствовало то, что до последнего времени Эса всегда носил толстовки Корпуса морской пехоты США, которые должны были напоминать о временах военной службы их владельца. И хотя грубые толстовки десантника теперь сменились вполне миролюбивыми шерстяными свитерами с изображением животных, военная выправка и боеготовность Эсы, присущие бывшему морскому пехотинцу армии Соединенных Штатов, сразу обращали на себя внимание.

Молоток замер в воздухе. Эса не обернулся и не оторвал взгляда от днища вагона.

– Со временем подтянутся, – сказал он.

– Со временем?

– Когда тылы подтянутся.

Я абсолютно не понимал, что означают эти слова, но такой стиль коммуникации для Эсы характерен.

– И как ты думаешь... сколько времени нужно на подтягивание тылов?

– Невозможно сказать на основании имеющихся разведданных. Мы постоянно действуем в условиях дефицита живой силы и недостаточно точной геодезической привязки. И под непрерывным огнем противника...

– Ясно, – быстро ответил я. – Мне тут нужно позвонить в одно место...

– Может, и дольше придется провозиться, – сказал Эса и затараторил быстрее обычного: слова слетали с его губ пулеметной очередью.

Я огляделся. Неисправность «Варана» не была чем-то понастоящему критическим. Посетителей еще мало, и большинство из них – явно старше обычных пассажиров этого поезда. Да и вообще день обещал быть относительно спокойным. В этот момент Эса демонстративно пустил ветры. Я почувствовал жар в лице, перешел на дыхание ртом, чтобы меня не вырвало от запаха, и тут же ощутил жжение глубоко в горле.

– Тогда попозже подойду, – предложил я.

Раздался новый удар молотка. Эса ничего не ответил.

Я направился к «Горке», и, когда отошел на достаточное расстояние – в случае с Эсой безопасной я считал дистанцию в пятнадцать метров, – наконец вдохнул.

От «Плюшки и кружки» исходил аромат сдобной выпечки и ухи из лосося. В кафе было очень душно (несмотря на

то, что мы провели реконструкцию и увеличили мощность вентиляции) и повсюду были слышны наши юные клиенты, зачастую довольно голосистые. В этом смысле сегодняшний день не отличался от других... Все это, вместе взятое: сытные жирные запахи, звонкие голоса и более высокая, чем обычно, температура в помещении – создавало в заведении немного давящую обстановку. Часто, выходя из кафе, я ловил себя на том, что испытываю сонливость, странным образом сочетающуюся с паникой.

Я подошел к прилавку и на кухне в глубине помещения увидел Йоханну. Взял с витрины булочку «Масляный глазок» и поднял тарелку, продемонстрировав ее Йоханне. Она заметила меня, опустила сетку с картофелем в кипящее масло для фритюра и подошла к прилавку с другой стороны. Я только хотел сказать, что заплачу за булочку и пойду с ней к себе в кабинет, как заговорила Йоханна.

– За счет заведения, – сказала она. – Возьмете еще одну?

Я посмотрел на тарелку в своих руках и лежащую на ней булочку. Потом снова на Йоханну. При первой нашей встрече несколько месяцев назад я подумал, что ее лицо наводит на мысль об уголовнице, которая увлекается триатлоном. Так вот, кафе было для нее смыслом жизни. Здесь ничего не происходило без ее ведома или вопреки правилам – писаным или неписаным. И она никогда – ни при каких обстоятельствах – ничего не давала бесплатно. И вот теперь предлагала мне взять еще одну булочку.

– Мне одной достаточно, – сказал я.

– Просто подумала, что вам на двоих.

– Полагаю, для повышения уровня сахара в крови одной достаточно, – ответил я и почему-то почувствовал себя перевернутой на спину черепахой: я был не в состоянии двинуться с места, а если бы и смог, это потребовало бы невероятно много времени.

– Так, а что с обедом? – спросила Йоханна.

– С обедом?

– Уха с лососем «Пираты не плачут», «Резвая курица», а для веганов – запеканка из тофу «Сорвиголова». На сладкое – пудинг «Полет на Луну» или самый популярный как у детей, так и у взрослых десерт – «Карамельная пушка».

– Сначала расправлюсь с булочкой...

– Я имела в виду, может, захотите попозже перекусить, – сказала Йоханна.

Я собирался что-нибудь ответить, но тут обратил внимание, что за мной выстроилась очередь. Йоханна тоже, видимо, это заметила. Она взглянула на меня и кивнула – мол, свободен, и я не мешкая воспользовался моментом.

Я направился к себе в кабинет. Прошел мимо «Клубничного лабиринта», откуда доносились обычные крики и синхронный топот десятков бегущих ног. У «Замка приключений» с исходившим от него грохотом и гамом голосов я повернул направо и обошел «Черепаший гонки». Как раз в этот момент места одних юных водителей, суется и громко вопя,

занимали другие. Продолжил путь по коридору, в конце которого находился мой кабинет. Сделав буквально несколько шагов, я попытался поскорее проскочить мимо распахнутой двери в комнату Минтту К, отвечающей за продажи и маркетинг, но она остановила меня.

– Привет, – прошептала Минтту К.

Ну, или я предположил, что она это прошептала. Голос у нее был грубым и требовательным, как у пилы с огромными зубьями, вонзающейся в сухую древесину, только гораздо ниже по тембру. Была еще только первая половина дня, но из кабинета Минтту К уже доносился характерный тяжелый дух джина с тоником и табачного дыма. Правой рукой она сделала приглашающий жест.

– Поговорим о деньгах.

– Совещание по маркетингу в четверг, – напомнил я. – Лучше мы вернемся к этому вопросу...

Минтту К покачала головой и в знак протеста подняла загорелую руку. Блеснули серебряные кольца.

– Мой сладкий, это не ждет. Он чемпион по карате. Тридцать пять тысяч подписчиков в соцсетях.

Минтту К отхлебнула из своей черной кружки. Судя по выражению ее лица, было трудно предположить, что в кружке кофе. Кружка была такой же черной, как и деловой костюм Минтту К, который явно был ей мал минимум на один размер.

– Ну и зачем он нам сдался? – спросил я. – Чемпион по

карате.

– Путь к черному поясу, – воскликнула Минтту К, – начинается тут. Это слоган.

Минтту К тряхнула своими короткими светлыми волосами. Она не испытывала никаких сомнений, что, впрочем, меня не удивило.

– Во-первых, затея представляется мне слишком рискованной, да и вообще у нас ведь не школа единоборств... – начал было я, и тут меня прошиб пот. Мне захотелось поскорее попасть к себе в кабинет. – У нас нет средств ни на что лишнее. Как я уже множество раз говорил.

Минтту К повертела в пальцах сигарету. Я даже не заметил, как сигарета появилась у нее в руке.

– Ты решил забить на это? – спросила она. И прежде, чем я успел открыть рот, ответила сама: – Хорошо. Значит, будем оставаться вечно вторыми.

Я был искренне поражен. Обычно Минтту К сражалась, фигурально выражаясь, до последней капли крови. Теперь же, и глазом не моргнув, она уже прихлебывала из своей кружки и с наслаждением затягивалась сигаретой, постукивая по клавишам компьютера, словно ее всего лишь поймали на какой-то мелкой шалости.

Коридор делал еще один поворот.

По пути я прокручивал в голове короткие встречи сегодняшнего утра. Навалившееся на меня чувство слабости, как я понимал, постепенно усиливалось с каждой из этих встреч.

Воспоминания вертелись в моем мозгу все быстрее, обрастали деталями и оживали. Я начинал видеть и слышать то, чего не заметил сразу. У Кристиана иссяк энтузиазм, он больше не фонтанировал идеями и не предлагал новаций, как это обычно происходило по утрам, да и в любое другое время. Эса больше не рвался заниматься безопасностью, а спокойно ремонтировал что-то по непонятному графику. Минтту К сдалась легко и сразу. Йоханна предложила мне вторую булочку просто на случай, если я вдруг захочу. По мере того как последняя мысль приобретала отчетливые очертания в моей голове и все глубже проникала в мое сознание, я чувствовал, как рука, державшая тарелку с плюшкой, начала дрожать.

Проходя по коридору, я в последний раз завернул за угол, вошел в свой кабинет – и замер.

«Масляный глазок» подпрыгнул на тарелке и отправился в полет.

Тарелка выскользнула у меня из рук и разбилась вдребезги.

Мертвец ожил.

Живой, искренний взгляд синих глаз, светлые волосы, зачесанные направо, еще более скругляющие и без того круглую голову, и маленькая, но глубокая ямка на подбородке. Пиджак, рубашка с воротом без галстука и широкая заразительная улыбка.

Звуки из игрового павильона доносились до кабинета волнами – то слабыми, приглушенными, то напористыми, как при шторме с шапками белой пены, – перекатывающими через голову. Дети бегали и кричали, механизмы стучали и гремели, и над всем витал долетавший из кафе насыщенный, сливочный, сладкий аромат выпечки и супа с лососем.

Мужчина передо мной развел в стороны руки, словно говоря – «вот он я». Но это было лишним. Каждая его черточка и так была знакома мне лучше некуда. Тысячи картин и воспоминаний одновременно бушевали в моей голове. Сначала – самые свежие. Передо мной стоял человек, из-за которого меня убивали, человек, который оставил мне долги на сотни тысяч евро. И судя по всему, он воскрес из мертвых.

Мой брат Юхани.

Живой и прямо у меня в кабинете.

Он сделал пару шагов мне навстречу. Назвал меня по имени, обнял и прижал к себе. Я на голову выше его, и знакомый запах лосьона после бритья поднимался к моему носу,

как дым от костра. Эти крепкие объятия несли в себе больше смысла, чем Юхани, возможно, в них вкладывал. Они превращали невероятное в действительность, сила этих объятий была лучшим доказательством реальности происходящего. Пробуждение, следовавшее за объятиями, было таким же физически осязаемым, как и руки, сжимавшие меня.

Юхани перестал меня тискать, отступил на шаг и улыбнулся своей неповторимой солнечной улыбкой.

– Круто, – сказал он. – Мы сделали это.

Скорость света составляет триста тысяч километров в секунду, и я был уверен: что-то во мне или в моем кабинете происходит именно с такой скоростью. Я понял, что речь шла о принятом мною решении. Наконец я обрел способность двигаться, обошел стол и сел в свое рабочее кресло.

– Ты, разумеется, теряешься в догадках, где я пропадал, – сказал Юхани, не скрывая восторга.

– Еще не успел подумать об этом, – честно ответил я и одновременно понял, что это первые слова, которые я смог произнести. Казалось, они доносились откуда-то издалека. – Я был уверен, что ты на кладбище в Малми. Я сам опустил тебя в землю и засыпал землей.

– Спасибо тебе за это, – сказал Юхани и сделал несколько коротких шагов по кабинету. – Но нет, меня там не было. Ладно, поговорим о другом. Пока я ждал тебя, у меня было время обойти парк. Поговорить с людьми. Я в какой-то мере прочувствовал атмосферу. И одновременно подготовил...

Я посмотрел на него. Юхани выглядел и говорил так, словно это самое что ни на есть обычное утро и мы самые что ни на есть обычные братья. В каком-то смысле так оно и было, но, с другой стороны, – нет. Нет, нет и нет! Я проснулся. Такое у меня было чувство.

– Ты обманул меня, – сказал я.

Юхани остановился. Он выглядел расстроенным.

– Пожалуй, звучит несколько грубовато, – произнес он. – Но я согласен, что нам самое время объясниться. Мне нужна была твоя помощь. Как ты знаешь, ситуация, если можно так выразиться, вышла из-под контроля. Она требовала именно такого математического вмешательства. То есть участия моего замечательного брата-математика Хенри, который все разрулит. Мне пришлось отойти в тень. И мы оба сделали то, что и нужно было сделать. Ты – тут, в парке. А я – в кемпинге в Восточной Финляндии. Дожди, комары, ожидание выплаты по страхованию жизни... Как потом выяснилось – напрасные мечты. Но позже я еще вернусь к этой проблеме. Тем не менее уже сейчас мы можем констатировать, что все удалось на славу.

Юхани говорил так быстро, что, когда я только начал осознавать сказанное, он уже некоторое время молчал.

– Я ведь мог погибнуть.

– Это не входило в план, – ответил Юхани, отодвинув стул от длинного стола для совещаний и усевшись на него, пожалуй, даже с выражением легкой обиды на лице. – Я, разуме-

ется, такого не ожидал...

– Ты задолжал деньги бандитам, – сказал я. – Опасным преступникам. И я был на твоих похоронах.

– Мой адвокат посчитал, что это хорошая идея – организовать похороны.

– Даже если ты не умер?

– Но я был очень близок к смерти.

– И тем не менее ты все-таки не умер. А жил-поживал в Восточной Финляндии.

– Если бы ты видел эти места, то понял бы, что разница невелика.

– Разница, однако, есть, вот что я хочу, чтобы ты понял. Я разгребал дерьмо, которое ты за собой оставил.

Сначала Юхани ничего не ответил, но затем снова улыбнулся.

– И мы выжили, – сказал он, сложив вместе руки и вытянув их перед собой, словно благодаря Всевышнего. – Вот мы какие. Победители. И меня, по правде говоря, просто переполняют новые идеи.

– Что ты имеешь в виду?

– Это место. Парк. Да, я готов приступить к их воплощению немедленно.

Мне показалось, что все происходит как-то слишком стремительно. Словно кто-то нажал клавишу быстрой перемотки вперед и нет никакого способа ее отключить.

– Не понимаю, о чем ты, – честно сказал я.

– Хенри, я пришел освободить тебя, – улыбнулся Юхани. – Снять груз с твоих плеч, как говорится. Теперь моя очередь. Возьмусь за дело немедленно и с полной отдачей. Я тебе благодарен.

Мне показалось, что в кабинете повеяло студеным ноябрьским ветром. Это ощущение было вполне осязаемым, сильным и бодрящим. Мой первоначальный шок, удивление и вообще замешательство уступили место холодному спокойствию, похожему на то, какое, как я полагал, требуется от сапера, – то же самое чувство я десятки или сотни раз до этого испытывал в обществе своего брата. Я посмотрел в глаза Юхани и вспомнил все: наше странное детство, постоянную финансовую неразбериху и хаотичную жизнь родителей, беспокойную юность, когда мы переезжали с места на место, а потом – десятки обанкротившихся предприятий Юхани, мои собственные перипетии в последние несколько месяцев, когда все находилось на грани развала. И так же четко я понял, что мне нужно сделать то, что от меня требуется в сложившейся ситуации. И в этом мне помогут математика и трезвый расчет. То, благодаря чему Парк обрел стабильность, ясность, надежность и перспективы.

– Нам все еще приходится очень жестко экономить, – сказал я. – Мы отказались от всего, без чего можем обойтись. И, возможно, в скором времени будем вынуждены еще больше затянуть пояса. Необходимо тщательно продумывать инвестиции и изыскивать возможность рассчитываться по дол-

гам. Кроме того, в ближайшие годы будет усиливаться конкуренция. Хорошая новость: в обозримом будущем не предвидится неприятных сюрпризов вроде криминальных разборок. Так что, если мы станем придерживаться нашего курса и тщательно планировать бюджет, у нас есть шанс не только сохранить рабочие места и сделать Парк хоть немного прибыльным, но и раздать обещанные тобой премии на Рождество.

Казалось, Юхани слушает меня с искренним удовольствием. Он смотрел на меня своими ясными голубыми глазами, его лицо покрылось здоровым румянцем.

– Именно это я и ожидал от тебя услышать, – сказал он. – Отличная работа во всех отношениях.

Юхани сделал небольшую паузу и продолжил:

– Я, разумеется, все это учту, когда вернусь к руководству парком. Просто несколько подкорректирую на свой вкус. Добавлю в работу идей, инноваций, открытости и радости.

Мы посмотрели друг на друга.

– Нет, – сказал я.

– Нет?

– Нет.

– В каком смысле – нет?

– Во всех. Если смотреть на перспективу, то для процветания Парка...

– Хенри, это мой Парк.

В голосе Юхани мне снова слышалась обида.

– Который ты оставил мне на грани банкротства, не говоря уж о том, что часть долгов нужно было заплатить бандитам, представлявшим непосредственно для меня смертельную опасность. При том что сам ты просто сбежал.

Юхани склонил голову набок. Знакомый жест. Никто не умеет так наклонять голову, попавшись на чем-то предосудительном. И хотя это было сущим пустяком по сравнению с тем, что произошло за последние несколько минут, жест Юхани расставил все по своим местам. Это было согласием, сургучной печатью и свинцовой пломбой. И означало, что, во-первых, мой брат Юхани вернулся, а во-вторых – он вернулся таким, каким был всегда, со всеми своими достоинствами и недостатками.

– Значит, ты так на все это смотришь, – сказал Юхани. – Понимаю. Давай придем к соглашению. Мы ведь говорим о неделе, ну, может быть, о двух? Самое большее – о месяце?

Я на мгновение задумался, кое-что быстро подсчитал.

– Скажу прямо – речь идет о годах. Ну и о доле в предприятии, а не...

Юхани помотал головой.

– У меня нет столько времени, – сказал он. – И у Парка нет.

– Что ты имеешь в виду?

– Хенри, разве ты не видишь, что там, – Юхани ткнул большим пальцем куда-то себе за плечо, – происходит? – Я ясно увидел, что он словно переключает автомобильную пе-

редачу нашего разговора на более высокую. – Как я уже сказал, дожидаясь тебя, я немного прогулялся по Парку, прежде чем явиться к тебе в кабинет. И мне рассказали о жесткой экономии, о том, как ты отложил все на потом и пообещал людям, что через сто лет здесь снова все будет хорошо. Но людям это не нравится, Хенри. Они хотят хорошо жить прямо сейчас. И я сказал им, что все будет исправлено немедленно.

– И что же ты пообещал?

– Я хочу вернуть сюда драйв. Ты только что сообщил мне, что в Парке туго по части финансов. Это можно решить, увеличив количество клиентов. А для этого, в свою очередь, нужно навести, так сказать, порядок в доме. Кому охота идти в Парк приключений, где воцарились грусть и слезы?

– Что-то я не видел, чтобы здесь кто-нибудь плакал, разве что...

– Хенри! – сказал Юхани, энергично жестикулируя. – Ты все время вязнешь в деталях. В данном случае надо смотреть на дело шире, исходить из ситуации и понимать... что один плюс один – это не всегда два.

– Ровно два, – ответил я. – Всегда.

– Хенри! – воскликнул Юхани. – Я воскрес из мертвых!

Я хотел сказать, что арифметика – наука точная. Не признавать этого – значит прятать голову в песок и отказываться называть вещи своими именами, и это как раз в духе того самого Юхани, который и довел Парк до критической ситу-

ации. Но я не сказал. Что-то в выражении лица брата остановило меня. Он снова заговорил прежде, чем я успел ответить.

– Ты хочешь вышвырнуть меня из дела?

Вопрос застал меня врасплох, это был удар ниже пояса. Я понял, что не думал об этом под таким углом. По правде говоря, я вообще не думал на эту тему. Все произошло так стремительно. Юхани смотрел мне прямо в глаза. Я вдруг почувствовал прилив нежности к брату и начал его понимать. Нет, я вовсе не оправдывал его недавние поступки, но в целом... Он ведь мой брат, и он... Да. Что он? Он не восстал из мертвых, ибо никогда не умирал. И он не изменился – напротив, казался совершенно таким же, как и прежде. Это был Юхани. Разумеется, я не хотел отбирать у него бизнес. Да и не мог.

– У нас тут всем заправляла Лаура Хеланто (с ней ты тоже знаком). Недавно она уволилась, – сказал я, стараясь, насколько возможно, придать голосу нейтральную интонацию. – Работа непростая, разносторонняя, как ты и сам знаешь, и требует полной отдачи. Я в курсе, что раньше ты не занимался практическими делами Парка, оперативным управлением и повседневной текучкой, не говоря уже о всяких там ремонтах. Но это место вакантно.

Юхани несколько секунд смотрел на меня, прежде чем ответить. Затем улыбнулся.

– Я могу приступить прямо сейчас, – сказал он.

Я уже второй час неподвижно сидел на табурете у окна в пропахшей красками комнате. Мне нужно было позировать. В расслабленном состоянии. Поначалу эта задача показалась мне легкой. Но чем дольше я сидел и размышлял над тем, как выглядеть расслабленным, тем труднее казалось полученное задание. За прошедший час я успел передумать о многом. В том числе и о том, что я, пожалуй, никогда не бываю по-настоящему расслабленным и даже не уверен, знаю ли я вообще, что означает полностью расслабиться. Это, в свою очередь, заставило меня задуматься, как бы я выглядел, если бы все-таки знал и, соответственно, сумел бы достичь нужного состояния расслабленности. Эта мысль потребовала от меня усилий изобразить нечто такое, чего я в принципе не понимал и не мог изобразить. То есть я был уподоблен прыгуну с трамплина, оказавшемуся за штурвалом самолета просто потому, что ему уже доводилось приземляться. Или, наоборот, летчику, которого со всей силы столкнули с трамплина, поскольку тому уже доводилось прокладывать путь в воздухе.

От этих нелегких мыслей я непроизвольно вздохнул. Это повторялось всякий раз, когда мы с ней встречались. И разумеется, всегда, когда она смотрела на меня пристальным взглядом, я не смел шевельнуться. Часами.

Я был моделью для Лауры Хеланто – она писала мой портрет. Портрет был ее подарком мне, за что я, естественно, был ей благодарен.

Лаура Хеланто не покидала моих мыслей и тогда, когда я о ней не думал.

Мое утверждение кажется нелогичным и трудным для понимания, но на самом деле так оно и есть. Это явление невозможно объяснить иначе, чем с помощью средств поэзии, – выражения точнее я подобрать не могу. Когда я сравнивал надежность математического и поэтического подхода для оценки успешности разных проектов – от строительства небоскреба до новой конструкции сырорезки, – я твердо знал, что математическому методу, разумеется, нет альтернативы. В случае с Лаурой Хеланто дело, похоже, обстояло иначе. Словно я мгновенно позабыл все, на что привык опираться в жизни. И что самое странное – это совершенно не причинило мне дискомфорта, которого следовало бы ожидать.

Мы встречались всего дважды после того, как она кинула меня на сто двадцать четыре тысячи восьмьсот шестьдесят один евро и тринадцать центов. Ну не совсем меня: деньги были криминального происхождения. И она не то чтобы их присвоила. Лаура своим поступком спасла меня и Парк. Я понял это через несколько недель после того, как она оставила нас – и Парк, и меня.

Об этом я думать не хотел. Вспоминал, как мы ходили

гулять и пить какао с Лаурой и ее дочкой Туули. Прогулка проходила в режиме интервальной спортивной тренировки, темп задавала по преимуществу Туули. Это в корне противоречило моей привычке к размеренной ходьбе и выбору кратчайшего расстояния между двумя пунктами. Мы метались туда-сюда, останавливаясь на неопределенное время, чтобы поглазеть на массу всего интересного: на других детей, взрослых, птиц, мусорные контейнеры, фаркопы автомобилей. Цели этих остановок были для меня по большей части покрыты мраком неизвестности. Я так и не смог подыскать объяснения нашим блужданиям. Просто находился в обществе Лауры Хеланто и чувствовал, что мне хорошо независимо от того, движемся мы или стоим, и не имело значения, куда именно мы идем и где остановились.

У дочки Лауры возникали вопросы, на которые я с удовольствием дал бы и более развернутые и основательные ответы. Но едва я успевал открыть рот, как она уже выстреливала следующий вопрос. Кажется, Лаура была в восторге от нашей беседы, несмотря на ее хаотичность. Она улыбалась мне, брала за руку и даже иногда ласково ее сжимала. А когда я проводил их до станции метро, мы с Лаурой Хеланто поцеловались. Поцелуй не был долгим и по своему характеру далек от тех, какими мы обменивались в ночь любви, когда наши языки соприкасались и скользили друг по другу. Несмотря на то что по различным биологическим и физиологическим причинам это невозможно, мне кажется, я до

сих пор ощущаю вкус этого поцелуя на своих губах.

Кисть касалась холста, пахло масляной краской. Кроссовки Лауры шуршали по бетонному полу.

Мне казалось, что каждая секунда с Лаурой Хеланто была более насыщенной и плотной, чем любая другая. Разумеется, это явление трудно объяснить с математической точки зрения, но...

– Хенри. Слышишь меня, Хенри?

– Что?

– Что-то не так? – спросила Лаура, и, поймав ее взгляд, я был, как всегда, сражен им. Эти синие с зеленым глаза, цвет которых подчеркивала темная оправа очков, вызывали у меня нечто похожее на удар электрическим током.

– Нет, с чего ты взяла, – сказал я.

– Хорошо, – кивнула Лаура. – Мне показалось, что тебя что-то... гнетет.

– Я неправильно сижу? – спросил я.

– Нет, – ответила Лаура, и мне показалось, что она сдерживает улыбку. – Ты очень правильно сидишь. Просто подумала, что ты немного устал. У тебя все мышцы напряжены.

– Сейчас расслаблюсь.

– Может, все дело в том, что ты ищешь расслабленное положение. И напрягаешься. Кто не ищет, тот найдет. Или так нельзя сказать?

– Пожалуй, так можно сказать, – согласился я. – Но мне это утверждение кажется вводящим в заблуждение и, к со-

жалению, ненаучным. Истина заключается ровно в противоположном. Именно путем поиска человек находит. Это основное условие. Ничего никогда не было бы изобретено, если бы люди просто решили: давайте перестанем искать, и ответ найдется, и если...

– Хенри.

Теперь Лаура не скрывала улыбки. Она опустила кисточку на стоявший рядом мольберт и направилась ко мне. Я все еще пытался заставить себя расслабиться. Приближение Лауры этому не способствовало.

– Как-то я говорила тебе, что никогда не встречала никого, похожего на тебя, – произнесла она, остановившись передо мной, – но это слишком мягко сказано.

– И я никогда не встречал никого, похожего на тебя, – честно признался я. – Кого-то, кто сумел бы заставить меня так сильно удалиться от математической логики и одновременно был бы мне интересен во многих других отношениях. По правде говоря, и то и другое случилось со мной впервые.

Лаура стояла передо мной. Я чувствовал запах, исходивший от копны ее волос, похожей на дикий кустарник, а может, букет лесных цветов. Она стояла так близко, что мне были видны крошечные брызги красной краски на внешнем крае темной оправы ее очков.

– И со мной тоже, – сказала Лаура.

– Не говоря уже о том, что эти обстоятельства совпали по времени, – кивнул я, – вероятность этого в любом случае

была так мала, что мне, вопреки моим привычкам, даже не пришло в голову ее рассчитать.

– Возможно, я не совсем это имела в виду, – тихо сказала Лаура и улыбнулась.

Со мной случилось то, что постоянно случалось в присутствии Лауры, – я совершенно растерялся. У меня очень часто возникало ощущение, что слова Лауры – даже те, которые, на первый взгляд, кажутся простыми и несущими сугубо практический смысл, – рассчитаны больше чем на один уровень понимания и почти всегда подразумевают не только то, что было сказано. Однако их смысловые связи либо неочевидны, либо смыслы трудно вывести один из другого. Поэтому я молчал и просто восседал на своем высоком табурете, ощущая ее близость.

Я не знаю, кто из нас первым наклонился навстречу другому. Или мы сделали это одновременно? Наши лица так сблизились, что я закрыл глаза и приготовился к двум вещам: к поцелую и к рассказу о том, что меня беспокоит.

– Юхани вернулся, – сказал я, продолжая наклоняться вперед.

И уткнулся в воздух. Я не смог дотянуться ни до губ, ни до Лауры, да и вообще ни до чего. Я открыл глаза. Лаура отступила и стояла в полутора метрах от меня. Ничто не указывало на то, что она искала своими губами мои, которые, как я теперь заметил, все еще были вытянуты для поцелуя. Я привел свои губы в обычное состояние и заодно выпрямил-

ся.

– Юхани? Твой брат... Юхани?

– Ага, – кивнул я. – Он сказал, что жил в дачном трейлере все то время, пока ему нужно было считаться мертвым.

Лаура посмотрела на меня. Она открыла рот, но не издала ни звука. Потом опять попыталась что-то сказать. И наконец произнесла:

– Юхани жив?

– У меня в этом нет никаких сомнений.

– Когда ты пришел, – начала Лаура, – я спросила тебя, как дела. И ты ничего не сказал о... своем брате.

– Я точно помню свой ответ – «в общем, неплохо». Я думал, ты хотела узнать, как поживаю я. И мне не пришло в голову, что тебя интересует еще и Юхани. Честно говоря, я понятия не имею, как у него дела, знаю только, что он жил в автодоме в кемпинге в Восточной Финляндии.

У Лауры был такой вид, как если бы я вдруг смешал все краски и принялся бы рисовать на ее картине каляки-маляки.

– Он что... просто вот взял и явился?

– Да.

– И что он сказал?

– Что хочет забрать Парк обратно.

– И что ты ему ответил?

– Что это не имеет никакого смысла ни с финансовой, ни с административной точки зрения, особенно если принять во

внимание его недавние успехи в области управления предприятием и способность отвечать за свои действия. Но у меня есть для него подходящее место в Парке и, таким образом, он может получать регулярный доход и медицинскую страховку, а кроме того, у него будет копиться трудовая пенсия. Он согласился на эту работу.

– Согласился на эту работу? – спросила Лаура, как будто услышала о каком-то совершенно невероятном чуде.

– После твоего ухода освободилось место управляющего Парком.

– Разумеется, лучше Юхани на место управляющего никого не нашлось.

– Ну, я пока не могу сказать, насколько он подходящий работник...

– Хенри, это был сарказм, ирония.

– Ирония, сарказм, точно! Мне они тоже нравятся.

Не знаю, почему я произнес эту последнюю фразу. Я понял, что несколько не сдержан, но и Лаура тоже разошлась.

– А тебе не кажется это странным? Что Юхани запросто согласился на работу, где нужно быть точнее точного, всегда находиться на месте и одновременно решать тысячу самых разных вопросов?

Я не успел обдумать ответ и уж тем более ответить, когда Лаура заговорила снова:

– Хенри, можно я прямо спрошу? Обо мне разговор заходил?

– Вообще-то, нет. С чего бы?

Почему в нашем разговоре вдруг появилась какая-то неловкость? И не только в разговоре. Возникло ощущение, что мы вели сразу два диалога. Первый – посредством вот этих самых слов, а второй – подспудный, невидимый и безмолвный, но тем не менее вполне определенный. Мне показалось, что я не понимаю ни одного из них. Затем до меня стало кое-что доходить.

– Почему ты так завелась из-за Юхани и его возвращения? – спросил я. – Ты ведь больше не работаешь в Парке и никак формально с ним не связана.

Лаура взглянула на незаконченный портрет. Затем так же быстро отвела взгляд. Мне показалось, что она намеренно тянет время, чтобы подумать.

– Ты только-только привел в порядок дела в Парке, – сказала Лаура, все еще глядя куда-то в сторону высоких окон. – И теперь Юхани снова может все испортить.

То, с каким выражением Лаура произнесла свои последние слова, заставило меня опять, если так можно выразиться, слушать между строк. По крайней мере, я попытался это сделать, потому что мне показалось, что именно там и содержалась важная информация. И мне это не очень понравилось.

– Я составил как краткосрочные, так и долгосрочные планы, – начал я, – и по многу раз все тщательно просчитал, подкрепил конкретикой и честно рассказал всем работникам

о нынешней ситуации и о том, что нам предстоит. Я владелец Парка, и все это знают. Юхани – всего лишь наемный работник. Что он может сделать?

Лаура ответила не сразу. Она опустила глаза и рассматривала пол где-то позади меня.

– Просто, он... Юхани.

– Что ты имеешь в виду?

– Он... – Лаура силилась подобрать слова, от чего происходящее вызывало у меня недоумение: обычно она очень живо выражала свои мысли. – Он... он не такой, как ты.

Я не сразу понял, откуда взялось это ощущение, но почувствовал, что мне стало как-то неуютно.

– Я знаю его всю свою жизнь, – выпалил я быстрее, чем собирался. Внезапно я разозлился и даже пришел в ярость. Как-то так получилось само собой. – Кто лучше меня может знать, что он не такой, как я? Юхани продемонстрировал это и на практике, и особенно наглядно – в Парке приключений. Он не составил ни одного бюджета, но при этом влез в безумные долги. Он брал кредиты под сумасшедшие проценты, занимал у бандитов. Расточительство, безрассудство, неисполнение обещаний, импульсивность, опасная для жизни.

– Это не совсем то, что я имею в виду... хотя в некотором смысле, может быть, и то. Вернее, и это тоже. Мне трудно об этом говорить.

В высоком светлом помещении вдруг сгустились сумерки, будто кто-то внезапно задернул светонепроницаемые шторы.

В то же время мои мысли, казалось, тоже потемнели. Я посмотрел на Лауру и увидел нечто такое, чего не хотел увидеть.

— Когда ты говоришь, что Юхани не такой, как я... — И тут вдруг мне стало ясно, что она имела в виду. — На самом деле ты хочешь сказать, что это я не такой, как он.

Лаура молчала. Казалось, она не знает, что ответить. Уж лучше она сказала бы хоть что-то, что угодно. Лаура не смотрела на меня.

— И поскольку я другой, — продолжал я, — ты думаешь, что я неспособен противостоять человеку, который мечется туда-сюда, лжет, бросается обещаниями и принимает непродуманные, катастрофические решения. Чьи действия основаны на чем угодно, только не на разуме. И я настолько *«не такой»*, что не смогу справиться с этим человеком.

— Хенри, ты...

— Другой. Просто чтобы ты знала. Когда в университете я досрочно сдал математику, мне сказали, что я особенный. И когда, уже будучи актуарием, я делал расчеты в два с половиной раза быстрее и точнее, чем любой другой математик за всю историю страховой компании, мне тоже говорили, что я особенный. Может быть, я не такой, как ты думаешь. Может быть, я смогу справиться со своим братом.

Я встал и подошел к металлической вешалке, стоявшей у двери. Надел куртку и повязал шерстяной шарф, не сильно затягивая, но расправив его аккуратно поверх галстука, что-

бы он оптимально сохранял тепло. Лаура Хеланто продолжала стоять на том же месте, как мне показалось, — точно в центре комнаты. Я посмотрел на нее и, зная ее рост, мог бы легко вычислить целый ряд расстояний и объемов, относящихся к этому помещению, а возможно, даже составить общее уравнение или, по крайней мере, приблизительное описание, но понял, что не стану этого делать. Мне не хотелось ничего подсчитывать, и это лучше всего характеризовало ситуацию. Я повернулся к выходу.

Дверь была из толстого металла, но я даже не заметил ее тяжести.

Выйдя на улицу, кратчайшим путем дошел до автобусной остановки и продолжил путь со скоростью ровно один километр в семь минут.

Встреча была назначена в Конала. Я приехал в этот район Хельсинки на шестнадцать минут раньше, поэтому сидел и ждал в небольшом фургоне, который приобрел для нужд Парка. Подержанный «рено-кангу» отлично подходил нам по вместимости и грузоподъемности, топлива потреблял немного, а внешняя непривлекательность уменьшала риск угона, что, в свою очередь, позволяло экономить на стоимости страховки.

Низкое солнце светило прямо в глаза, поэтому я опустил солнцезащитный козырек над лобовым стеклом, позволив солнечным лучам согреть мне грудь. Поток транспорта состоял в основном из микроавтобусов и грузовых машин, на боковых сторонах которых красовались знакомые и неизвестные мне логотипы и названия брендов. Многие автомобили проносились мимо со значительным превышением скорости, и это еще по самой скромной оценке. Однако, изучая на протяжении всей своей взрослой жизни статистику и теорию вероятностей, я понимал: это еще не значит, что большинство местных жителей превышают скорость. Я приехал сюда впервые в жизни, и моя выборка пока слишком мала. Вполне возможно, что в Конала проживают по большей части ответственные водители, и если брать район в целом, то население тут в основной своей массе соблюдает общие пра-

вила, так что неправильно обобщать и переносить поведение одного, двух или трех местных водителей на всех жителей района...

Я помотал головой и постарался сосредоточиться на серьезных вещах.

Мне не хотелось думать о Лауре и нашей встрече, поэтому я попробовал занять мозг чем-то другим. Поправил галстук и попытался на мгновение выбросить из головы Лауру Хеланто. Офис и складские здания компании «Финская игра» находились передо мной, чуть левее. Это предприятие было давним партнером Парка приключений – поставляло нам оборудование. Наш договор был заключен на три года с возможностью продления. Наличие договора, разумеется, стало для меня неожиданностью, как и все, что относилось к Парку.

Тем не менее документ, подписанный два года назад и, по-видимому, составленный директором «Финской игры» Ханнесом Толкки, казался мне вполне разумным и приемлемым для обеих сторон. Мои расчеты также подтверждали, что сотрудничество с этой компанией выгодно и для нее, и для Парка приключений, особенно в долгосрочной перспективе. Кроме того, договор включал дополнительные ограничения, предусмотренные в отношении так называемых «эксклюзивных прав». Эти ограничения относились и к «Финской игре». Она обязалась продавать оборудование для использования в регионе Уусимаа только нам.

Это как раз и стало причиной моего визита в Конала. Поскольку меня весьма озадачили последние сообщения и коммерческие предложения, полученные мной от «Финской игры».

И еще потому, что все это, похоже, замыкалось на «Прыжке лося».

«Прыжок лося» – единственный в своем роде аттракцион для парков приключений, и я хотел такой приобрести. Или, правильнее сказать, он был мне совершенно необходим.

«Прыжок лося» выше любого из наших нынешних устройств, да и вообще он гигантских размеров. Этот аттракцион предлагает десять разных развлечений. Самое захватывающее из них – прыжок с рогов «лося» в находящийся перед ним «лес», оборудованный батутом. Можно также залезть на самые острия рогов и скатиться с горки, смонтированной внутри «лося» и заканчивающейся у его задних копыт. По спине «лося» проходит акробатическая беговая дорожка: нужно не только быстро пробежать по ней, но и сохранить равновесие, чтобы не свалиться. Рядом с ней – еще две дорожки, что позволяет соревноваться с другими посетителями и оценить свои способности. Изюминка аттракциона в том, что этого «лося» можно превратить в нечто вроде американских горок. Внутренности и акробатические беговые дорожки, выходящие по спине, трансформируются в пути с вагонетками, которые приводятся в движение с помощью мощного электромотора, что обеспечивает экологичную уг-

леродную нейтральность. В год изготавливается всего один «Прыжок лося», это бриллиант в короне и в целом европейской индустрии парков приключений.

Для нашего парка «Прыжок лося» означал бы заметное повышение конкурентоспособности. Реальность была такова, что мы проигрывали конкуренту, а тот расширялся, приобретая новое оборудование прямо с конвейера. Нам нужно было что-то такое, что выгодно отличало бы нас от других парков, но при этом наш бюджет должен был выдержать это приобретение. «Прыжок лося» стал бы именно тем, что нужно, при одном условии – если его удастся купить. Полученные мной сообщения не приближали нас к цели. В конце концов мне удалось договориться о встрече.

Я посмотрел на часы на приборной панели автомобиля, проверил галстук, взглянув в зеркало заднего вида, взял портфель и вышел из машины.

Здание офиса представляло собой оштукатуренное бетонное сооружение, выкрашенное в белый цвет. Оно было явно старше высокого и серого ангара из алюминия и стали, стоявшего чуть поодаль. Я подошел к темно-коричневой, обшитой досками двери и нажал на круглую кнопку звонка на стене. В широких окнах по обе стороны от двери жалюзи бы-

ли лишь слегка приоткрыты. Их пластины находились под таким углом, что заглянуть внутрь можно было, разве что встав перед ними на колени и устремив взгляд почти вертикально вверх, да и то рассмотреть удалось бы в лучшем случае потолок.

Прозвенел звонок. Я услышал, как щелкнул замок, открыл дверь и вошел. Передо мной простирался длинный коридор; офисное здание оказалось значительно просторнее, чем это представлялось снаружи. Больше здесь не было ничего примечательного. Оформленные в светлых тонах и ярко освещенные интерьеры – офис как офис. Большинство дверей, выходящих в коридор, были открыты. Как раз в тот момент, когда я собрался было громко спросить, куда мне идти, я услышал какие-то голоса и увидел по левой стороне коридора выглянувшего из кабинета мужчину.

– Сюда, сюда.

«Сюда, сюда», по-видимому, означало совещательную комнату с длинным столом и стульями. Хотя могло относиться и к компании мужчин, собравшихся вокруг стола. Их было трое. Двое постарше и один существенно моложе. Ни один из них не был Ханнесом Толкки.

– Садитесь, – показал на стул один из пожилых. Это был тот самый, который только что высовывался в дверной проем, чтобы показать мне дорогу. – Как Парк, потихоньку выплываете?

– Ханнес Толкки придет на встречу? – спросил я, стоя с

той же стороны стола, что и человек, пригласивший меня сесть. Двое других расположились напротив.

– Он уже на пенсии, – сказал тот, что был рядом со мной. – Я Кари Лийтокангас.

– Отто Хяркя, – представился второй.

– Йеппе, – назвал свое имя молодой, выдержал двухсекундную паузу и добавил: – Саувонен.

Кари Лийтокангас снова предложил мне сесть. Ему было около пятидесяти. Среднего роста; грудь и плечи под джинсовой рубашкой производили впечатление сильно накачанных. Как будто он занимался бодибилдингом, наращивая мышечную массу, но преуспел лишь в части тела выше пояса. Широкий подбородок и высокие скулы были как у кинозвезды, но второй подбородок и мешки под глазами скорее намекали на увлечение пивом. В общем, на него недостаточно было посмотреть один раз – что-то заставляло снова взглянуть в его лицо, чтобы проверить первоначальные выводы. Отто Хяркя тоже было порядка пятидесяти; худощавый, но с брюшком и внушительными усами, сразу обращавшими на себя внимание. В последние годы мне доводилось встречать подобную растительность разве что у очень молодых людей, которые отращивали ее для эпатажа. Ну и Йеппе-пауза-Саувонен. Он со строгим выражением лица постукивал по столешнице правой рукой, а левую держал где-то глубоко под столом, и в целом походил на столб. Сросшиеся брови и карие горящие глаза. На нем была черная толстовка с

надписью большими белыми буквами по-английски – «*FUN MACHINE*», «забавная машина».

– Прощу садиться, – произнес Кари Лийтокангас.

Его слова наконец возымели эффект: мы все сели.

– Не знал, что Ханнес Толкки вышел на пенсию, – сказал я.

– Это случилось очень быстро, – ответил Лийтокангас. – Он оставил нам подробные инструкции. Мы хотим работать в том же формате и придерживаться договора.

– Хорошо, – кивнул я, – нас это тоже устраивает.

– Великолепно, – улыбнулся в ответ Лийтокангас.

Отто Хяркя и Йеппе Саувонен тоже растянули губы в улыбке. Я посмотрел по очереди на каждого из них, и мне стало как-то не по себе.

– Так, – продолжил я, – что касается договора...

– Вот он, – сказал Лийтокангас и открыл лежавшую передо мной пластиковую папку. – А это наш каталог.

Он пододвинул ко мне сшитую стопку листов – это и был «каталог». Я пролистал страницы, чтобы найти то, что мне нужно. Обратил внимание, что цены подскочили, и по большей части весьма ощутимо. Дошел до последней страницы и перевел взгляд на сидевшую передо мной троицу. Они продолжали улыбаться.

– Не вижу тут «Прыжка лося», – сказал я.

– Но зато тут есть много другого хорошего оборудования, – ухмыльнулся Отто Хяркя.

– Рекомендую обратить внимание на «Крокодилью реку», – добавил Лийтокангас.

– Это действительно крутая штука, – отозвался Отто Хяркя.

То, как он произнес «крутая штука», не убедило меня в искренности его слов.

Я посмотрел на своих собеседников:

– Детям такое не нравится. Я ознакомился со статистикой по множеству парков приключений – от Скандинавии до Центральной Европы. Имеется небольшое исследование на эту тему, и при помощи весьма несложных расчетов становится понятно, что рентабельно, а что нет. «Крокодилья река» нигде не входит в рейтинг даже сорока самых популярных аттракционов, и большинство парков от нее уже отказалось. Это старый аттракцион низкого качества, да и у детей недостаточно сил для него.

– Ну так поищите более сильных детей, – сказал Йеппе Саувонен.

– Что?

– Йеппе имеет в виду... – сказал Лийтокангас и даже как-то придвинулся ко мне, – что это как посмотреть. Зависит от угла зрения. Хорошая лупа позволяет увидеть детали.

– Ничего не понимаю, – честно ответил я.

– Поясню на примере. Вот возьмем каталог, – сказал Лийтокангас, распахнув его передо мной на странице с «Крокодильей рекой». – Если мы немного уждемся, то сможем дать

такую последнюю цену.

Говоря это, Лийтокангас взял шариковую ручку, зачеркнул выросшую до невероятного значения цену «Крокодилей реки» и написал под ней новую. Я уставился в нее, силась понять, что происходит.

– Это ведь то же самое, – сказал я и одновременно увидел три широкие улыбки.

– Цена дня, – сказал Отто Хяркя. – Выгоднейшее предложение, и только сегодня.

Я помотал головой:

– Это не... По договору не...

– Именно, именно по договору, причем с эксклюзивными правами. – Лийтокангас практически навалился на меня и придвинул ко мне еще одну пачку сшитых листков. – Вот.

С договором я уже был знаком. Читал его множество раз. Знал его назубок. У меня не было никакой необходимости перечитывать его снова.

– Я знаю, что сказано в договоре. И я хочу купить «Прыжок лося». «Крокодиля река» мне не нужна. И уж тем более по такой цене.

Мужчины переглянулись. Затем, как в замедленном кино, снова уставились на меня.

– Что-то не клеится у нас разговор, – сказал Лийтокангас.

– Не клеится?

– Не клеится, – подтвердил Лийтокангас. – Мы понимаем, что смена караула, если можно так выразиться, у вас с

братом пошла не совсем так, как положено. Но мы ни на что не намекаем и ни на что не претендуем, хотя ведь наверняка есть некие обстоятельства, которые вы предпочли бы не предавать гласности.

В комнате повисла абсолютная тишина. Я вдруг сообразил, что в этом офисном здании ниоткуда не доносится ни звука. Когда я шел сюда по коридору, то никого не встретил. Обычный для любого офиса фоновый шум отсутствовал: ни разговоров людей, ни звонков телефонов – ничего. Куда же подевались все работники «Финской игры»?

– Мой брат не занимается закупками оборудования для Парка, – сказал я. – То, что он вам, возможно, пообещал...

– Интересное дело, – отреагировал Отто Хяркя. – Неожиданно.

В одном Отто Хяркя был прав. «Неожиданно» – это слово я и сам посчитал бы уместным в данном случае. Я начал понимать, как все предыдущие события привели к нынешней ситуации: настойчивое предложение «Крокодильей реки» и нелепая цена за этот аттракцион, хотя он никуда не годился и совершенно не нравился детям. Ну и, разумеется, в такой ситуации Юхани...

– Мой брат... – начал я и умолк, подыскивая подходящие слова, – не всегда соображает, что говорит.

– Мы подписали договор, – сказал Лийтокангас и фыркнул.

Отто Хяркя фыркнул следом за ним. Йеппе Саувонену по-

требовалась пара минут на размышление, после чего он тоже фыркнул. Мне это не понравилось, и было понятно почему. Да, Юхани мог быть безрассудным, безответственным, говорить глупости, даже рисковать жизнью других людей, но он был моим братом. Каталог, лежавший передо мной, был открыт на странице с «Крокодильей рекой», ставшей мне теперь еще более отвратительной.

– Я хочу приобрести «Прыжок лося», – сказал я.

– Он не продается.

– Я знаю, что он есть у вас на складе.

– И мы знаем то, что мы знаем, – сказал Лийтокангас. – И предлагаем приобрести «Крокодилю реку».

– Нет, – сказал я.

– Нет?

Лийтокангас выпрямился, наконец отстранившись от меня, и в тот же момент лицо его несколько прояснилось. Оно было, пожалуй, несколько более угловатым, чем показалось мне вначале.

– Неужели в вашем, так сказать, портфеле нет ничего, что боится дневного света?

Я взглянул на свой портфель. И в следующий момент понял, что не следует воспринимать это заявление буквально. Он имел в виду Парк приключений, то, как мне удалось вывернуться из ситуации с бандитами и на что пришлось пойти, чтобы спасти и Парк, и себя самого. Теперь я был практически уверен – Юхани сболтнул лишнего. Я видел это по всем

признакам – по самоуверенному поведению Кари Лийтокангаса, по ухмылке Хяркя и по горящим уголькам под бровями Йеппе Саувонена. Надпись «*FUN MACHINE*» на его толстовке назойливо маячила у меня перед глазами, но больше ничего в этом человеке не казалось мне забавным, не говорило ни о веселье, ни о машине, ни о чем-то подобном.

– Обратимся к фактам, – сказал Лийтокангас. – У нас имеется договор, по своей сути довольно простой. Мы либо сотрудничаем, либо другая сторона платит неустойку. И размер этой неустойки составляет примерно годовой оборот вашего Парка приключений. По моим прикидкам, во всяком случае. Мы со своей стороны не хотим нарушать договор.

– Ни в коем случае, – подхватил Отто Хяркя. – Ни в какой форме не собираемся от него отступать.

После небольшой паузы подключился и Йеппе Саувонен:

– Даже из-за детей.

Прежде чем я успел задать уточняющий вопрос, что именно он имеет в виду, Лийтокангас снова взял инициативу в свои руки:

– Мы предлагаем вам приобрести у нас «Крокодильную реку», поскольку являемся вашим эксклюзивным поставщиком.

Несмотря на то что где-то внутри у меня уже возникло предчувствие грядущей неприятности – чего-то наподобие экстренного собрания на предприятии в пятницу за полчаса до конца рабочего дня, – я продолжил:

– Или что?

– Осмала, – ответил Лийтокангас с таким видом, словно выражал соболезнования, но явно формальные. – Пентти Осмала. Вы знакомы.

Я молчал. Пентти Осмала, старший следователь подразделения полиции Хельсинки по координации борьбы с организованной преступностью и экономическими преступлениями. Пожалуй, мы действительно были знакомы. Причем настолько хорошо, что он, вполне вероятно, подозревает меня в серьезном преступлении, причем небезосновательно. Запутанный был клубок: я защищал себя и свой Парк и использовал при этом свои навыки страхового математика. Осмала, в свою очередь, догадывался не только о моих математических изысканиях, но на тот момент его, по-видимому, устраивало, что я помог ему в расследовании. Правда, это мы с ним не обсуждали. Подозреваю, что подобный разговор мог бы закончиться, по крайней мере для меня, тем, что я оказался бы в зоне дискомфорта, как я это называю.

Троица, сидевшая передо мной, явно знала больше, чем должна была знать.

– Кто вы такие? – спросил я.

– Мы – компания «Финская игра», – хором ответили все трое.

Из-за закрытой двери, словно с далекой строительной площадки, доносился шум игрового павильона. Я сидел и пересчитывал все заново. Те расчеты и оценки, которые я сделал до своего визита в «Финскую игру», теперь потеряли актуальность.

Я потратил несколько часов, пытаясь найти финансово приемлемое решение в сложившейся ситуации. Немного отъехав на стуле от стола, я взглянул на стопки бумаг и калькулятор. Чем больше я считал и чем больше находил фактов, подкрепляющих мои расчеты, тем яснее становилось, что нам нужен «Прыжок лося» и что мы точно не справимся с краткосрочными и долгосрочными вложениями, а в итоге и с постоянными убытками, если приобретем «Крокодилю реку». Я еще раз перечитал договор между Парком и «Финской игрой», изучив каждый пункт и все подпункты, но зацепиться было не за что. Мне оставалось либо заплатить за ненужное оборудование и угробить Парк финансово, либо сдаться в условиях жесткой конкуренции и просто ждать окончательного фиаско. В такой ситуации оно рано или поздно неизбежно наступит. А учитывая скорость, с какой наш конкурент на другом конце города закупал новое оборудование, развязка была близка.

В общем, приобрести «Прыжок лося» было так же необ-

ходимо, как и избежать покупки «Крокодильской реки». Единственное, чего не показывали расчеты, – каким образом это осуществить.

Я встал со стула и подошел к окну.

Ноябрьский день; небо наполовину затянуто тучами, дождя нет. Еще только перевалило за полдень, а уже начинается смеркаться.

Мой взгляд с горизонта переместился на автостоянку, находящуюся справа от меня, у входа в парк. Я увидел женщину; она вела за руку ребенка, по всей вероятности нашего клиента. Выйдя из парка, они направились в мою сторону и подошли к красному «вольво», стоящему прямо напротив моего окна. Ребенок был весь изгваздан. Его штаны и рубашка, выглядывавшие из-под расстегнутой куртки, имели такой вид, словно их облили краской. В тот же момент я заметил еще одного юного любителя приключений, которого вели к автомобилю. И у него тоже был изрядно потрепанный вид, причем в волосах застряли какие-то комья. По пути мальчик остановился и наклонился. Я сразу понял почему. Его рвало. Одновременно красный «вольво» резко сорвался с места, развернулся и помчался к выезду с парковки, а оттуда на шоссе. Я раскатал и застегнул рукава сорочки и поправил галстук.

В вестибюле за стойкой сидел Кристиан. Больше никого не было, поэтому я сразу перешел к делу.

– Только что мне попались на глаза двое наших юных кли-

ентов. Один был весь вымазан в краске, а другого рвало, – сказал я. – Что случилось?

В последние дни у Кристиана вошло в привычку при моем приближении пялиться в монитор и усиленно двигать компьютерной мышкой. На этот раз он так не сделал. Более того, Кристиан совершенно преобразился: принял официальный вид, сверкнул белозубой улыбкой и как-то особенно торжественно расправил плечи, которые плотно облегла фирменная рубашка Парка приключений.

– Фузия идей, – сказал он.

Я посмотрел на Кристиана, потом в сторону выхода и снова на Кристиана.

– Не понимаю.

– Фузия означает слияние, объединение, – объяснил Кристиан. – Если взять две какие-то вещи и объединить их...

– Что означают эти слова, я знаю, спасибо, – прервал я Кристиана и в тот же момент понял кое-что важное. – Кто тебе об этом сказал?

– Юхани.

– Ты знаешь, где он?

– Знаю.

Улыбка Кристиана стала какой-то неуверенной, но энтузиазм и подтянутость сохранялись.

– А не мог бы ты мне сказать...

– Конечно, – кивнул Кристиан и, кажется, на мгновение о чем-то задумался. – На «Горке».

Я уже повернулся, чтобы идти, но снова взглянул на Кристиана:

– Но ведь «Горка» у нас некрашенная. Как же...

На этот раз Кристиану удался какой-то удивительный жест: он одновременно кивнул и помотал головой. При этом улыбнулся и, кажется, испытал облегчение.

– Юхани – безумно одаренный человек, – сказал Кристиан, – и у него так много...

Я не расслышал конца фразы. Потому что перешел на бег.

«Горка» была одним из самых популярных развлечений в Парке, так сказать его классическим образцом. Она представляла собой комбинацию из девяти склонов. На эту сверкающую стальную конструкцию хотели забраться все без исключения. Если смотреть от входа, «Горка» находилась за «Клубничным лабиринтом».

Я обошел «Клубничный лабиринт», миновал «Пончик», где наши юные клиенты носились по кругу в пластмассовой трубе, ударяясь о мягкие накладки на стенках. «Пончик» – это классика из классики, первое в истории Парка приобретение. Даже сейчас, пробегая мимо, я не мог не восхититься этой невероятно рентабельной комбинацией кинетической энергии и центробежной силы. Обслуживание устройства не стоило ровным счетом ничего! Веселье, радость и притягательность аттракциона обеспечивались всего лишь энтузиазмом наших клиентов и земным притяжением, а оно – благоприятным расположением земного шара на Млечном Пути.

Однако приподнятое настроение, подаренное мне кратким созерцанием «Пончика», улетучилось, как только в поле моего зрения показалась «Горка».

Я унюхал в воздухе именно то, чего и боялся.

Теплое молоко.

И еще какой-то более резкий запах.

А «Горка»...

Она выглядела так, словно некий великан использовал ее в качестве креманки для мороженого и половину не доел.

Я остановился.

Фризер для мягкого мороженого каким-то образом переместился из кафе в павильон аттракционов к самому основанию «Горки». Похоже, теперь он был предоставлен нашим клиентам в бесплатное пользование. Они дергали за ручки, и автомат из шести кранов выдавал им мороженое трех вкусов – шоколадное, клубничное и старомодное ванильное – непрерывным, нескончаемым потоком: в чашки, в вафельные рожки и главным образом – мимо того и другого. Дети мчались вверх по лестнице с мороженым в руках и потом, не расставаясь со своей добычей, скатывались со всех девяти горок. Каждая из горок была покрыта слоем мороженого, как и все посетители. Добравшись донизу, дети неслись к фризеру и наваливали себе еще липкого лакомства. Если чашка терялась или вафельный рожок на горке превращался в крошки, они накачивали мороженое из автомата прямо себе в горсть, откуда оно равномерно распределялось между

ртом и окружающим пространством. Воздух был наполнен пронзительными, оглушительными криками.

Несколько десятков наших клиентов, похоже одурманенных сладким, орали и вели себя так, словно им всем одновременно что-то вкололи. Некоторые, кажется, перешли и эту черту. Я видел, как двое посетителей сделали то же, что и ребенок на автостоянке перед парком: опорожнили желудки от только что съеденного мороженого. Один из них метнул фонтан в процессе спуска с нашего самого длинного склона. Извержения усиливались на подъемах трассы, а самые эффектные из них точно соответствовали законам, описанным в разделе «Механика» учебника физики: оптимальная комбинация скорости, массы, плотности содержимого желудка и силы начального метания.

Я заставил себя выйти из оцепенения и бросился к фризеру, еще не зная, что собираюсь сделать в первую очередь. Автомат стоял в луже преимущественно коричневого, а местами розового цвета. Наши юные посетители словно дикари осаждали его, топтались в растаявшем мороженом и отпихивали друг друга, чтобы добраться до кранов. Только я поднял руку, собираясь закричать, как почувствовал чью-то ладонь на своем плече.

– Посмотри, Хенри! Какое чудо! Вот что такое настоящий Парк приключений!

Я обернулся. Юхани улыбался. Он выглядел по-настоящему счастливым. Я попытался что-то сказать, но не нашел

слов.

– К сожалению, раньше я управлял Парком удаленно, – сказал Юхани. – Но здесь, непосредственно на земле, начинаешь мыслить иначе, и рождаются отличные идеи.

Юхани кивнул в сторону «Горки» и с гордостью посмотрел на нее. Я повернулся еще на пол-оборота.

– Такого опыта, – продолжал Юхани, – больше нигде не получишь. Вот куда нам следует двигаться. Действовать без промедления, уходить от стереотипов. Фузия идей. Мороженое и «Горка». И кому пришло в голову соединить эти две очевидные вещи? Можешь поблагодарить меня. Готов побиться об заклад, никто из наших посетителей не забудет этого никогда.

Я наконец оторвал взгляд от «Горки», что было нелегко, поскольку масштаб бедствия нарастал по экспоненте.

– Знаешь, во сколько нам это обойдется?

– Я уже об этом подумал, – сказал Юхани. В голосе его по-прежнему слышалось удовлетворение. – Мороженое, если считать по себестоимости, выходит нам в полцены. А «Горка» у нас и так уже была.

Я помотал головой:

– Я имею в виду уборку.

– Уборку?

– Именно, – воскликнул я. – Уборка будет стоить тысячи евро. На «Горке» разлиты целые ведра молока, и скоро отовсюду начнет вонять. Это не укладывается в бюджет обыч-

ной уборки. О чем ты вообще думаешь?

– О Парке! – со всей искренностью вскричал Юхани. – О его конкурентоспособности. Так же, как и ты. О наших клиентах, о численности посетителей. Об атмосфере. О забываемых впечатлениях. Посмотри сам, как им всем весело!

Я посмотрел на вопящую, скатывающуюся со склонов и измазанную в сладком молоке с ног до головы детвору.

– Им не весело, – сказал я и снова повернулся к Юхани. – Они просто не в себе. И у меня возникает серьезное подозрение, что ты тоже.

Теперь у Юхани был такой вид, как будто я неслыханно оскорбил его.

– Ты живешь в таком тесном, замкнутом мирке! – воскликнул он. – И всегда жил. Когда ты вообще смеялся в последний раз?

– Я смеюсь, когда вижу, что для этого есть достаточное основание и подходящий момент. Какое это имеет отношение к катастрофе, которую мы сейчас наблюдаем?

– Как ты отреагировал, когда я вернулся и рассказал, что на самом деле не умер? Вместо того чтобы обрадоваться, что твой брат жив, ты принялся читать мне нотации и нравоучения. Расписывать предстоящий мрак, сплошные неприятности и вечный непреходящий ад. Ты кислый, как лимон, и скупой, как немецкий скупщик брусники. И требуешь, чтобы другие были такими же занудами.

– Это неправда...

– И еще ты завистливый. И всегда был таким. А еще вообразил, что все обо всем знаешь. Ты мне завидуешь, потому что я умею ловить момент и со всеми ладить. Видел бы ты, как дети кричали и хлопали мне, когда я объявил о бесплатном мороженом.

– Так оно и есть...

– Я дарю людям радость и приятные впечатления, – продолжал Юхани. – Не забывай, что Парк все-таки создал я.

– Это одна из основных причин, почему я тоже хочу, чтобы он выжил...

– Выжил, – бросил Юхани с таким видом, словно откусил какую-то мерзость. – Когда я руководил Парком, мы ставили перед собой более высокие цели. В некоторых фирмах понимают, что такое настоящий размах и незабываемые впечатления.

– «В некоторых фирмах...» – передразнил я, – уже одно это – достаточная причина для увольнения.

Юхани втянул носом воздух, приосанился и так плотно сжал губы, что нижняя часть лица превратилась у него в застывшую маску. Все это произошло с быстротой молнии, и я не уверен, что успел бы заметить метаморфозу, если бы не знал Юхани как облупленного.

– По-моему, тебе следовало бы дать мне возможность работать так, как мне представляется наиболее целесообразным, – сказал он. – Ты назначил меня управляющим. Полагаю, что уборка и ее организация входит в непосредственные

обязанности управляющего. Тебя ведь сейчас уборка волнует, правильно я понимаю?

Я обвел взглядом «Горку» и втянул в ноздри молочный бриз.

– Она занимает все мои мысли, – согласился я, – но...

– Все будет сделано, – отрапортовал Юхани. – Когда утром ты придешь на работу, увидишь, что «Горка» сверкает чистотой. Слово управляющего.

Я ничего не ответил.

Неужели я был слишком строг с ним? Может, это неправильно? И я всегда вел себя именно так. Не знаю, откуда у меня взялась такая мысль. Я посмотрел сначала на «Горку», а потом на Юхани. И вдруг меня осенило, что его, похоже, по-настоящему напугала угроза быть уволенным. Разве это не говорило о том, как высоко он ценит свое место в Парке? И это, в свою очередь, свидетельствовало о его готовности измениться.

– Так ты обещаешь разобраться с этим?

Юхани кивнул:

– Как аукнется, так и откликнется.

Не знаю, что Юхани имел в виду, но я решил не придавать значения его словам. Спросил только, когда он намерен приступить, и Юхани ответил: сразу. У меня было смутное ощущение, что надо сказать что-то еще, но я не знал, что именно. И ушел. Честно говоря, на душе у меня скребли кошки.

Возможно, Юхани был прав и мне нужно просто рассла-

биться.

Мне очень нравятся заключительные титры.

Я смотрю по одному фильму в неделю. Думаю, это оптимальная частота, если учесть, как много сил и времени уходит на подготовку. То, что я смотрю, результат тщательного отбора. При выборе я исхожу из множества факторов, но основные можно свести к нескольким, и они требуют детальной проработки и целой недели времени. В какой-то степени я слежу за так называемыми рецензиями кинокритиков, но они дают весьма слабое представление о картине. К тому же я редко схожусь во мнении с этими щелкоперами – по моему, они не обращают внимания на самые важные вещи.

Например, из рецензии редко можно почерпнуть ясное представление о том, сколько персонажей присутствует в каждой из сцен фильма. Почти никогда невозможно узнать точный бюджет, не говоря уж о том, чтобы он был распи-сан по статьям расходов. Просто нереально выяснить заранее, сколько минут и секунд занимает даже отдельно упомянутый в рецензии эпизод. Это невероятно затрудняет просмотр: все подвешено в воздухе, неконкретно и уже заранее портит впечатление от картины. В отзывах мне вообще не попадались сведения о том, сколько всего людей участвовало в работе над фильмом. Это ведь очень важно знать еще в тот момент, когда я только усаживаюсь в кресло в киноте-

атре: сколько человеко-часов и человеко-лет было затрачено на производство, как эти суммарные и средние показатели соотносятся с соответствующими параметрами другой аналогичной продукции.

А как хронометраж картины распределен между сценами?

Для одного триллера, действие которого происходит зимой, расчет оказался очень прост: снег – тридцать четыре процента, встревоженный полицейский – двадцать один процент, изворотливый преступник, гоняющий на мотосанях, – пятнадцать процентов, проницательная жена полицейского – одиннадцать процентов, пистолеты – девять процентов, зимний комбинезон по явно завышенной цене – шесть процентов, кофе и прочие безалкогольные напитки – четыре процента. По-моему, самое интересное в кино – это сравнивать, как одни и те же аспекты варьируются в разных лентах.

Ну и еще заключительные титры.

В них ведь и концентрируется содержание картины. Это сердце фильма. Наконец, я могу узнать, что на самом деле происходило. Хорошие, информативные титры – это кульминация, когда кино по-настоящему берет за душу, если вообще берет.

На этот раз такого не произошло.

Я только через силу смог досмотреть историю любви известного певца. В процессе просмотра я не очень активно подсчитывал соотношения – они почему-то не казались интересными. Заключительные титры не исправили ситуацию.

Я понял, что в фильме, где известного певца играет менее известный певец, дисбаланса не устранить даже титрами.

«Пылкая влюбленность. Отношения. История любви. Счастливый финал».

Обычно я вообще не читаю подобных аннотаций, но события последней недели явно повлияли на ход моих мыслей.

Шопенгауэр спал на другом конце дивана. На улице стоял ноябрь – к счастью, без дождей. Все должно бы складываться хорошо, и при других обстоятельствах так оно и было бы. Но ситуация... осложнилась. Вдруг, в одно мгновение. И дело тут было не только в Юхани, с возвращением которого я все еще не мог свыкнуться, и не только в превращении «Финской игры» из надежного поставщика оборудования в партнера-вымогателя, имевшего все шансы погубить наш Парк приключений, – если слово «партнер» вообще применимо к такой ситуации.

Занозой в мозгу сидела мысль о Лауре Хеланто.

Я не слышал о ней ничего после того, как в смешанных чувствах покинул ее мастерскую.

Конечно, я понимал, что телефон лежит на журнальном столике передо мной. Он все время маячил где-то на периферии моего сознания, пока я следил за выходками певца. Мне не лучшим образом удаются телефонные разговоры, но позвонить все равно надо было. Только не очень понятно, что сказать. В этом смысле я понимал певца. Он перемещался от одной песни к другой и из одной постели в другую, не

в силах обрести ни душевный покой, ни взаимопонимание. Я взглянул на изображение в рамке, собственноручно повешенное мной на стену. Копия автографа Гаусса: формула, начертанная его собственной рукой. Наверное, самая красивая из всех, какие когда-либо были написаны. Результат многолетних трудов. Но сейчас я думал о другом – о начале. Когда-то ведь Гаусс взял в руку карандаш и прижал его к листу бумаги. Я протянул руку к телефону.

– Слушаю.

– Хенри Коскинен, – представился я.

– Знаю.

– Он у тебя в памяти.

– Кто?

– Мой номер.

– А, точно, в телефоне, да.

– Значит, ты думала обо мне.

Тишина. Именно такие минуты и делают разговор по телефону невероятно трудным. Если бы я видел выражение лица Лауры, то мог бы что-нибудь понять. Теперь же я словно находился на дне колодца: слышал собственные слова, отдающиеся эхом, и видел со всех сторон одни и те же безучастные стены.

– Вот как? – произнесла она в конце концов.

Мне сразу стало легче.

– Определенный номер связан с определенным человеком, – сказал я и кивнул в подтверждение собственных

слов. – Процесс мышления не должен быть долгим и, естественно, ему необязательно во всех случаях оставлять след в памяти, но это совершенно необходимо для достижения конечного результата. Ты думала обо мне.

– А ты? – спросила Лаура, и, как мне показалось, голос ее немного изменился.

– Да, я думал и о твоём номере, и о тебе, – подтвердил я.

– Ну что ж, славно, что мы оба думали.

– О твоём номере – меньше.

Засмеялась ли Лаура? Звук был короткий и мягкий, но при этом напоминал смех.

– То есть все хорошо? – спросила она после небольшой паузы.

И пауза, и смех вызвали у меня сомнения.

– Нет, – сказал я честно.

Тишина.

– Это связано с Юхани?

– Почему... – начал было я, но снова почувствовал волнение и понял, что мне нужно взять себя в руки. – Это связано с тобой, – сказал я.

– В смысле?

Я задумался на мгновение, снова взглянул на формулу Гаусса. Она имела начало, содержала решение и этим исчерпывалась.

– Не уверен, что мне понравилось то, что ты сказала, но все равно я хочу встретиться, потому что мне с тобой хоро-

шо.

Лаура немного помедлила:

– У меня... похожие чувства.

И снова что-то произошло. Мое сердце словно опустело, и у меня вдруг закружилась голова.

– Чего ты хочешь? – спросила Лаура после паузы.

Вопрос был неожиданным, как и то, что ответ родился у меня в голове будто сам по себе. На этот раз мне не пришлось смотреть на формулу Гаусса.

– Мне хорошо с тобой, – повторил я. – И мне хотелось бы изменить пропорцию и увеличить долю твоего присутствия в своей жизни.

– Я тоже была бы рада увеличить долю твоего присутствия в своей жизни.

– На сколько? – услышал я как бы со стороны свой вопрос. – Тебе не обязательно называть абсолютное значение или же относительное в процентах, грубой оценки достаточно, приблизительно...

– Грубой оценки? Ну, скажем, для начала было бы здорово удвоить эту долю.

– В таком случае четыре часа на прошлой неделе составило бы...

– Ну а ты? Ты сам на сколько увеличил бы?

И снова – сердце. На этот раз оно затянуло в себя крови под завязку.

– Я? Все умножил бы на тысячу.

Держите меня, мне захотелось заорать – я не умею так разговаривать, с такой погрешностью и с такими коэффициентами!

– Блестяще сказано.

– Ну, разумеется... эта оценка грубее грубой... – пролепетал я. Мое лицо горело, просто пылало.

– Понимаю, – ответила Лаура тихим голосом. – Все равно, а может, и именно поэтому – блестяще сказано.

Я ничего не ответил. Не мог так вдруг поверить, что сумел сказать что-то подходящее моменту.

– Ну, в таком случае мы можем уже начать двигаться в этом направлении? В сторону между удвоением и утысячением? – продолжила Лаура.

– Быстрый подсчет подсказывает, что это могло бы быть примерно...

– В субботу?

Мгновение мне потребовалось, чтобы сообразить, что вопрос Лауры был одновременно и предложением. Лаура сказала, что в субботу утром у нее небольшое, но обязательное дело, однако потом она будет свободна. Я уже думал завершить на этом разговор, телефон у моего уха раскалился, как печка-каменка в сауне, да и рука затекла.

– Как в Парке, все хорошо?

Этот вопрос показался мне ушатом холодной воды. Он контрастировал со всем предыдущим, как летняя жара и северный ветер в разгар зимы. Я понял, что не хочу впутывать

в это ни Юхани, ни «Финскую игру», ни Парк приключений. Они уже не принадлежали этой части света. У меня было такое ощущение, словно внезапно решилось сложное уравнение: я больше ничего не буду рассказывать Лауре о делах в Парке. Но я не хотел и обманывать ее. Так что мне пришлось сменить прицел на дальний.

– Все будет хорошо, – ответил я.

«Горка» сверкала чистотой, как новое зеркало, первые утренние посетители уже всю катались. Я втянул в ноздри прохладный воздух игрового павильона и убедился, что никаких посторонних запахов в нем не содержится.

Огляделся кругом.

Если учесть, что Парк только что открылся, посетителей было довольно много. Надо сказать, они были гораздо чище, чем накануне. Я потер пересохшие от усталости глаза и уже направлялся к себе в кабинет, как вдруг остановился. Поначалу я даже не понял, что заставило меня замереть. Осмотрел все помещение. Посетители, безупречно работающие механизмы – не так уж тут и шумно. С минуту подождал, но ничего не изменилось. Затем перешел в центр зала, чтобы лучше оглядеть его или хотя бы посмотреть на все с другой точки, и снова передо мной была та же картина, что и несколько мгновений назад. В точности та же. Потом я подумал, что в ней чего-то не хватает. Но чего? Наконец, как если бы менялись слайды в презентации на экране, я сообразил, в чем дело. Мое внимание привлекло не то, что я видел, а то, чего я не увидел.

Персонала.

Я понял, что, когда проходил через вестибюль мимо стойки кассы, там стояла табличка с фотографией улыбающе-

гося Кристиана, где он сообщал, что сейчас вернется. Еще я заметил, что дверь в диспетчерскую к Эсе была закрыта: в последнее время он держал ее распахнутой, и я полагал, что это вызвано тем, что и сам Эса уже не выдерживает своих концентрированных сероводородных газовыделений. Да и Сампы не было на его обычном месте за «Черепашьими гонками» перед стеной с муралом Элен Франкенталер, выполненным Лаурой Хеланто. В это время у него было заведено проводить первый игровой урок психологического развития. А когда я посмотрел на крыло здания, где находились офисы, то обнаружил, что даже в кабинете Минтту К, нашего менеджера по маркетингу, окна темные. Обычно они были освещены сутки напролет, а ароматы джина с тоником и табачного дыма по многу дней не выветривались из офисного здания. Теперь же – ни света, ни алкогольных паров, ни запаха курева. Не осталось ничего от сигарет с ментолом и того специфического впечатления от них – смеси мятных леденцов и хронической обструкции легких.

Что-то произошло.

Меня развернула толпа наших маленьких посетителей, которые пронесли мимо. Я потерял было равновесие, увлекаемый этим потоком, но быстро восстановил его.

И тут я увидел свет.

Кафе «Плюшка и кружка» было открыто. Я почувствовал запах кофе, каши и еще только готовящегося обеда, фирменного «Картофеля от огнедышащего дракона». Это означало,

что Йоханна на месте.

Направляясь в сторону кафе, я думал о том, что Йоханна – человек железной воли. Она никогда не пошла бы на такой безответственный шаг, не оставила бы рабочее место, бросив свое заведение на произвол судьбы... И тут я припомнил, как Йоханна вела себя тем утром, когда я обнаружил у себя в кабинете живого Юхани. Она предложила мне еще одну булочку, что было совершенно неслыханным поступком. Наконец я понял, что случилось.

Поднявшись по лестнице, я подошел к входу в кафе и застыл в дверях.

Они все сидели вокруг стола, не сводя глаз с Юхани. До меня доносился его голос, но я не разбирал слов. Юхани активно жестикулировал, размахивал руками и выглядел очень взволнованным. Все мои работники смотрели на него и внимательно слушали. Кристиан – чуть приоткрыв рот и часто кивая, Самппа – постоянно поправляя свой шарф и конский хвост на голове, Эса в толстовке американского морского пехотинца – без всякого выражения, сложив руки на груди, Минтту К – хрипло кашляя и потягивая что-то из кофейной кружки. И Йоханна. Йоханна! На лице у нее было даже что-то похожее на улыбку. Эса заметил меня первым. Не знаю, как ему это удалось, но известие о моем появлении мгновенно было доведено до всеобщего сведения. Я подумал, что он, возможно, владеет какой-то особой системой сигналов, которая используется в специальных армейских подразделени-

ях. Все быстро взглянули в мою сторону и в ту же секунду опять воззрились на Юхани. Только мой брат повернулся и уставился на меня. Я подошел поближе, намереваясь спросить, почему все в рабочее время сидят в кафе, но не успел.

– Отлично сработано, не правда ли?

Мне потребовалась секунда или две, чтобы понять, что Юхани имеет в виду.

– Да...

– Сверкает как бриллиант.

– Да...

– Светится, как люди, сидящие здесь.

Юхани поднял руку и обвел ею собравшихся, будто представлял мне моих же работников. Никто из них по-прежнему даже не взглянул в мою сторону.

– Именно об этом я и хочу сказать, – начал я. – Кто-нибудь нужен в вестибюле, а кто-то в павильоне. Да и другая работа стоит. Персонал должен вернуться на свои рабочие места.

Никто не пошевелился. Юхани смотрел на меня своими синими глазами.

– Слышали, что сказал начальник? – обратился он к собравшимся и поочередно посмотрел в глаза каждому из сидящих за столом. – А теперь все вместе сделаем наш Парк самым лучшим. Не за страх, а за совесть. Вперед!

Все повставали со своих мест. Никто не произнес ни слова. Работники беззвучно испарились, за исключением Йоханны. Она прошла через распашные двери на кухню, отку-

да, как мне показалось, бросала в мою сторону недовольные взгляды. Я, правда, не был в этом уверен, потому что между нами находилась витрина с сэндвичами, и часть лица Юханны оставалась скрытой за бутербродами с фетой и песто. Юхани встал.

– Мне нравятся эти люди, – сказал он. – От них исходит мощная энергия. Я воодушевляю их, а они воодушевляют меня. Чем больше мы разговариваем и обмениваемся мыслями, тем больше у нас идей. Мне нравится работа управляющего. Спасибо за это, Хенри. Что скажешь насчет «Горки»?

– Чистая...

– Такая, какой и должна быть, – быстро сказал Юхани, обходя стол.

Я почувствовал запах его туалетной воды.

– Такое ощущение, что я начинаю новую жизнь. Хотя это и на самом деле так. Я ведь практически умер. Ты представить себе не можешь, как это на меня повлияло.

Юхани остановился рядом со мной.

– Может понадобится небольшой финансовый транш, – сказал он. – Уборкой занималась бригада, которая обычно проводит дезинфекцию операционных. Ребята толковые, но знают себе цену. Как, собственно, и должно быть. Ну... если что – я на территории.

Я онемел, а когда ко мне вернулся дар речи, Юхани уже пропал из виду и я в одиночестве стоял посреди кафе. Юханна суежилась на кухне, а с десятков детей и взрослых пере-

кусывали за столиками или пили газировку. Я направился к своему кабинету. В этот момент зазвонил мой телефон. Номер оказался незнакомым.

– Это Отто Хяркя из «Финской игры», – произнес мужской голос в трубке.

В моей голове снова возник образ пятидесятилетнего мужчины с пушистыми усами – тронутая желтизной, влажная дворницкая метла над верхней губой. Я поздоровался и стал ждать продолжения. Завернул в коридор, который вел к моему кабинету.

– Звоню по такому вопросу... Как с вами можно встретиться?

– Встретиться?

Я свернул за угол и зашел к себе в кабинет.

– Ну да, где можно отловить директора в рабочее время, если его нет...

Я увидел мужчину, сидящего на стуле спиной к моему столу и прижимающего телефон к уху.

– ...у себя в кабинете, – услышал я одновременно и из телефона, и из уст сидящего передо мной мужчины.

Отто Хяркя был один. Одет так же, как и во время нашей предыдущей встречи. Черный пиджак, синяя сорочка, свободные джинсы, черные зимние ботинки на шнурках. Он был похож на завсегдатая букмекерских контор или, пожалуй, на кого похуже... В нем было что-то угрожающее.

– Я вот подумал, не стоит ли нам снова заглянуть в этот

наш каталог, – сказал Отто Хяркя, когда я сел в свое кресло.

Хяркя наклонился и вытащил из тонкого открытого портфеля ту же самую стопку бумаг на скрепках, которую я уже видел.

– Вы хотите сказать, что «Прыжок лося» все-таки появился в продаже? – спросил я.

– Ну, я не совсем это имел в виду, – ответил Отто Хяркя, открыл каталог и придвинул ко мне.

Я увидел то, чего видеть не хотел.

– Нас по-прежнему не интересует «Крокодилья река», – сказал я.

– Возможно, в данном случае интерес определяется иным образом, – возразил Отто Хяркя. – Если подойти к делу немного с другой стороны, то оно может показаться интересным.

Я посмотрел Отто Хяркя в глаза. Они не выражали ничего. Его манера говорить тоже не добавляла ясности ситуации. Он вообще неразборчиво произносил слова. А кроме того, у вас могло создаться ложное впечатление, что он оставляет какую-то возможность для содержательных переговоров, но если слушать внимательно и отделять суть от пустой болтовни и шелухи ненужных слов, то становилось понятно, что разговор преследовал единственную цель.

Отто Хяркя явился напомнить о своих угрозах.

В то же время реальное положение дел было таким, что Парк не выдержал бы приобретения «Крокодильей реки»

и его последствий. А главное, мы еще долго не смогли бы покупать никакое новое оборудование. Не говоря о том, что остались бы без «Прыжка лося». Затем расчеты в моей голове перевернулись. Я быстро подсчитал, что, возможно, «Финская игра» находится в аналогичном положении, только зеркально противоположном. Не знаю, почему мне не пришло это в голову раньше. Хотя знаю почему. Голова у меня была занята другим.

– У «Финской игры» финансовые трудности? – спросил я.

И впервые увидел, как что-то быстро промелькнуло во взгляде Отто Хяркя.

– Мы здесь говорим о вашем Парке и о том, что «Кроко-дилья река» в него прекрасно вписалась бы, и впишется, потому что она должна сюда вписаться, – сказал Отто Хяркя. – И поскольку она должна сюда вписаться, нам остается только согласовать дату поставки, чем мы сейчас и займемся, потому что не имеет смысла что-то обдумывать, когда обдумывать уже нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.